

Евгений Мосампилов

ПРОМЕТАСС, НЕУПОЛНОМОЧЕННЫЙ ЗАЯВИТЬ

**

3-е издание,
дополненное и последнее
(редакция 2014 года)

Фото: А.Брогилевский, Е.Мосампилов и неизв.
Стихи: В.Обский-Соловей, А.Брогилевский,
Е.Мосампилов, Х.Вортеп, А.Самарская, В.Бахис,
Ц.Ц.Цыдыдмункуйочиерелендышеременаев,
Б.Евтусенский, Э-р По, Е.Баснецов, В.Курских,
А.Орлов, Н.Богданова и другие.

М/р "Б"
ПрометГиз
2001-2005

Рина Шершеляфамова.

Об авторе и его повести.

Евгений Мосампилов (ок. 1953 - 1981) родился на острове Врангеля в семье обтатарившегося еврея. Литературный талант проявился рано. «Пить, курить и материть» он умел с пелёнок. В босоногом детстве легко ботал по фене и балакал на мове. Первый литературный и жизненный опыт приобрёл на школьной скамье. Через 10 лет бежал в Новый Сибирский университет, где сотрудничал с отщепенцами в самиздатском журнале "ПромеТАСС". Неисправимый космополит в вопросах пола. Печатался под извращёнными женскими псевдонимами. Его стихотворные опусы, такие как "Плыл по Парижу крокодил", "В качестве количеству...", "Поэма о СУ-2", "Наедине с Океаном", отличались махровой аполитичностью и торжеством формы над содержанием.

Погиб в ночь на понедельник от солнцудара на берегу Обского моря. Благодарные потомки на месте его гибели воздвигли пляж "Неоком" с ночным рестораном.

Публикуемая здесь повесть - самое большое прозаическое произведение поэта. Он обдумывал и писал её на протяжении всей своей загробной жизни, по крупницам воссоздавая колорит и аромат студенческих лет. Русский парнишка, антисемит по крови, попадает в сплочённый еврейский коллектив. Автор смотрит на мир наивными глазами этого ещё несмышлёного паренька. Что уготовила герою жизнь?

Об этом Вы узнаете, читая повесть.

О Нём

Пить, курить и материть

Начал он с пелёнок.

В детсаду любил водить

На сон-час девчонок.

В школе педсовет имел...

Был прилежен и умел.

Евгений Мосампилов

**ПРОМЕТАСС,
НЕУПОЛНОМОЧЕННЫЙ ЗАЯВИТЬ.**

Посвящается
Григорию и Константину,
сыновьям

- Нормально, Григорий?
- Отлично, Константин!
(М.Жванецкий)

Примечание к редакции 2014 года.
Все троеточия (...) проставлены. Если бы мы ещё так и говорили!

ПРЕДИСЛОВИЕ **к третьему изданию**

Всё хана, и загробная жизнь не вечна. Я читаю последний раз «Неуполномоченного» и вношу последние коррективы. Выставляю на сайте. Могу этого не делать, а просто нажать “Del”, как пустить себе пулю в висок. То же самое может сделать и администратор сервера, какая разница.

Какая разница, в меня бросят камень или на крышу моего гроба? И нужна ли нам эта крыша? И найдётся ли в нужный момент тот придурок, который ради собственного надутого самолюбования подарит мне этот последний знак внимания?

Да, совсем забыл. Меня часто спрашивают, откуда пошла моя странная фамилия. А очень просто. Встречаю как-то морозным весенним утречком у памятника «Борцам за власть» моего приятеля Лёньку Шабарова. Весёлый такой, рот до ушей, с похмелу. Бьёт меня под дых, посмотреть, значит, на мою реакцию, и говорит радостно:

- Знаешь, в Казани есть такой шахматист Сампилов, очень на тебя похож, нос такой же, длинный. Я только что оттуда. Всё, я тебя буду называть Сампиловым.

- Чё, серьёзно?

- Нет! Нет! Ты всё же не Сампилов. Ты будешь Мо-сампилов!

И он ещё раз бьёт мне под ребро, гогочет, жмёт руку и идёт себе дальше. Вот и вся история.

Чего тут странного? Есть же, например, Степаненко и Мостепаненко, пацан (пассан) и Мопассан, и даже педик с мопедиком.

ПРЕДИСЛОВИЕ ко второму изданию

Хорошо на свете
Пастушонку Пете
(Н.А.Некрасов)

Рукописи не горят! Я обнаружил среди позабытого мусора 2-е издание “Избранной лирики ПромеТАССа”. Всё-таки этот экземпляр был написан, взамен отданного Брогилевскому 1-го издания!

Я читаю тоненькие книжечки, как последнюю историческую реликвию, и нахожу в них массу нового: новые забытые стихи, новые имена, новые названия. До чего же причудлива человеческая память!

Итак, перед Вами 2-е издание “Неуполномоченного”, исправленное и дополненное на основе найденного исторического документа.

Что же было между двумя изданиями? Отклики читателей. И я как человек обязательный обязан отвечать им за содеянное.

- Ну, это ...

- Каюсь: да, я в некоторых местах отдал должное ненормативной лексике. Но это только в тех местах, где без неё было бы хуже. Что же именно я ей был должен? А то, что в своё время не уделял достаточного внимания этой лексике в общении с муд...ми и заср...ми (не про тебя будь сказано, дорогой читатель). Лексике, как женщине, надо уделять исключительно много внимания, иначе не ты будешь получать от неё удовольствие, а всякие заср...ы и муд...и.

Были у читателей и более глубокие мнения, что, дескать, наводит всё это на грустные мысли об исторически сложившемся нездоровом, ханжеском характере воспитания маленьких детей в области “экскрементально-половых вопросов” – каковое, к несчастью, продолжает удерживать позиции во всех странах в настоящее время.

Обливаясь слезами, бью себя в грудь: да, плохо, неправильно меня воспитывали в младенчестве. Мужское естество так всегда тянуло меня на бл...ки, а вот воспитание не пускало. И вот (ответственный момент) перед тобой, читатель, экскрементальный извращенец и моральный импотент. О, дайте мне хорошую бабу, две, три – десять баб - чтобы они меня перевоспитали - в конец!

Вот так - доживаешь до собственной смерти и не знаешь, что есть на свете специалисты в области “экскрементально-половых вопросов”, которые точно знают, как надо воспитывать маленьких детей. Как раз советов таких специалистов мне и не хватало при написании некоторых мест повести. Увы, в чём слаб, так в том слаб. Кому не было дано в детстве, тому не будут давать и в старости.

Однако, на мой нездоровый взгляд, от мысли об “исторически сложившемся нездоровом характере”, попахивает тем же самым ханжеством (возможно, с обратной стороны). Тут уж ничего не поделаешь: половая тема всегда такая. С какой стороны её ни пощупай - всё равно ханжество.

Это, как в анекдоте про Петеньку. Мама, которая в раннем детстве не воспитывала Петеньку, как следует, а всё по-ханжески да по-ханжески, вдруг спохватывается под влиянием интеллигентской моды и говорит отцу:

- Пора бы начать с Петенькой половое воспитание. Ты бы, как мужчина с мужчиной, рассказал ему кой-чего о любви. Но только не травмируй его, постепенно. Начни, например, с мотыльков и бабочек, как это у них происходит.

Папа идёт к Петеньке:

- Петь, помнишь, на прошлой неделе мы с тобой ходили к тётё Маше?

- Помню, папа, как же не помнить?

- А на позапрошлой были у тётки Зины и Оленьки?

- Ещё бы!

- Представляешь, у мотыльков с бабочками - то же самое!

А как на самом деле у бабочек и мотыльков - ни Петя, ни его папа так и не узнают за ненужностью. Так что и папино воспитание ничем не лучше маминого ханжества.

Уважая логику, я замечу, что если уж исторически сложился характер воспитания, то нездоровым его никак назвать нельзя. Из уважения к естественному отбору. Всё остальное, которое этот естественный отбор не учитывает - из области спекулятивных теорий.

Поэтому, как сказал поэт, "но я несколько не стыжуся". Чего и другим желаю.

Нет, положительные отзывы тоже были, но скромные и короткие. Это понятно и предсказуемо, что "Неуполномоченный" очень многих людей шокирует, особенно прототипов. Но я уже слишком стар, чтобы думать о том, что подумают обо мне.

Всё суета, а могильная земля уже сыплется на крышку гроба.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

— Ни того, ни другого! -
отпирался подсудимый.
(Прометасс №3)

Все события вымышлены. А вот люди, с которыми они якобы происходили, живы до сих пор, - за редким исключением тех, кто уже умер.

Ко мне подходит Вас. Обский-Соловей (я только что дал ему почитать первую главу) и хмуро так говорит:

- Не подкладывал я взрывчатку под конфорки. Это всё Рубин. А мы его ловили.

- Ну и что? Я, ведь, не тебя описываю, а образ. А про взрывчатку - это для красного словца, чтобы поинтереснее было. Ну, подумай сам: кто мне твой Рубин, зачем мне о нём писать? А мы с тобой всё-таки жили сквозь стенку.

- Не сквозь стенку, а через стенку.

- Опять не понимаешь! Это ж только авторская фантазия, для красного словца.

- Ну, не знаю, не знаю. Я ничего, что ты пишешь про меня, не помню.

Многие говорили:

- А-а! "Алмазный мой вене-ец", Командо-ор.

И как всегда, ошибались. Все имена настоящие, я никому ничего не придумывал. Ну, посудите сами: за что бы мне так невзлюбить Обского-Соловья? Или чем он хуже Мамина-Сибиряка, Гей-Люссака, Власова-Майского или Немировича-Данченко? Так уж получилось у них в жизни, и не мне её менять, - чтобы потом какой-нибудь дурак ломал голову, кто же такой Командор. Я знал одного Немировича-Данченко, который раз тысячу всем объяснял, что он тому Немировичу-Данченко даже не однофамилец.

Нет, врать не буду. Когда получались неудачные совпадения, чтобы люди не путались, приходилось одну букровку менять. Ну, это, как у Н.В.Гоголя с Петром Ивановичем Бобчинским и Петром Ивановичем Добчинским. На самом деле они оба были Добчинские - близнецы. Только одного звали Петром, а другого Иваном. Но Гоголя очень смешила сцена, когда они оба в раз, таким дуэтом говорили: "Э-э! - сказали мы с Петром Ивановичем". Поэтому он дал им одно и то же имя, но, чтобы люди не путались, в фамилии изменил одну букровку. Так же, каюсь, поступил пару раз и я, - но с разрешения.

Вот так. Очень многие люди обижались на меня, что я о них пишу не то и навожу напраслину:

- Ага, мы ещё посмотрим, что он в третьей главе напишет про профессора Руденчика! - злоратно говорили они.

Да, каюсь, я часто одному образу приписывал события, которые происходили с разными людьми, - чтобы жизнь этого образа выглядела ярче, богаче событиями. Сами знаете, как сера и буднична наша жизнь. О ней и читать неинтересно. А как сразу подымается интерес у читателя, например, такой известной строчки: "Вот у папиного дяди две жены, и обе б...". Хотя все мы знаем, что жена одна, что это всё неправда и в сущности неинтересно.

Поэтому я честно сразу признаюсь: ничего не было. Если кто-то вдруг на какой-то странице узнает себя - не верьте, на другой странице это уже будете не вы, а кто-то другой. Всё плод моей больной фантазии. Я даже не стал описывать хорошо всем известные исторические факты (многие так делают, чтобы было похоже на правду): первый карнавал и маёвку со сжиганием чучела империализма, первый конкурс бардов (которые впоследствии стали называться "БардАк" или, стыдливо,

“АкБард”), первое посвящение в студенты, первый ввод войск в Чехословакию и т.п., - о чём никак не скажешь, что этого не было.

А вот люди были! Это всё мои друзья. С тех пор, как я умер, я не хожу к ним в гости, и они не ходят ко мне. Мы не пьём вместе, не едим, не обсуждаем проблем. Иногда я подхожу к ним на улице и заглядываю в глаза: вы меня ещё помните? Они улыбаются и говорят: "А, здорово, Мосампилов!".

Я давно уже умер. Я ем, пью и обсуждаю проблемы с другими людьми, которые меня не знают живым. Они чего-то от меня хотят, за что-то хвалят, на что-то обижаются, что-то дают, чего-то не возвращают, и никогда не лезут ко мне в друзья, потому что я уже умер. У меня появляются, а потом вырастают дети. Они не интересуются моей жизнью и не знают обо мне ничего, потому что я давно умер.

Но иногда, когда никого нет, и ничто не мешает, я вспоминаю время, когда я жил. Я вылезая из своего мёртвого тела и захожу в гости к друзьям. Я говорю с ними, о чём хочу, и они смеются надо мной и хлопают по плечу. Они тоже давно умерли, но сейчас с ними нет их жён, детей, сослуживцев. Мы пьём, едим, смеёмся и рассказываем истории.

Я их запоминаю, чтобы записать. Мы вместе и мы счастливы. Мы снова делаем журнал, снимаем кино и идём смотреть Блюмкину бл.... К нам заходит запросто много народу, потому что мы живы и с нами интересно.

К нам приходят наши будущие жёны и дети, потому что мы живы и не знаем, что скоро умрём. Когда мы умрём, все они найдут себе новых друзей, и будут ходить в гости к ним, пока сами не умрут. Нам будет больно от такой измены, но мы сами виноваты, потому что уже умерли.

Эту книгу я пишу для друзей, с которыми мы когда-то были живы.

Когда же мы умираем? Никто не знает точно. Не думайте о себе, что это случилось, когда вам не дали премию, не пустили в командировку или уступили место в автобусе, - вы умерли гораздо раньше. Не думайте, что это, когда жена сказала, что не хочет больше заводить детей, - вы умерли раньше. Когда вам последний раз отдавалась чужая женщина - вы были мертвы: просто её муж был ещё мертвее. Если от вас уже ушла жена – ясно, вы тухлый мертвяк. Понятно и то, что когда жена вам в первый раз изменила, вы тоже были мертвы, пусть она и не думала уходить от вас.

Когда же мы всё-таки умираем? Когда нам в первый раз доверилась женщина, мы были ещё живы. Что же происходит между тем, когда она первый раз отдаётся нам и когда она решает первый раз отдаться другому?

А то, что мы исчезаем для друзей. Мы остаёмся в их памяти, но не можем туда ничего добавить. Мы не приходим к ним запросто, не роемся у них в шкафу, чтобы съесть и выпить, не выкладываем им сногшибательную идею или новость. А когда они приходят запросто к нам, мы торопимся их спровадить, чтобы успеть к нашей женщине, пока она не заснула. Вы знаете женщину, которой нравится, когда её беспокоят во время сна?

Да, мы изменяем друзьям, и ради женщины. Мы не думаем, что умираем для друзей. А когда мы умрём для них, то умрём и для этой женщины. И нас не спасёт ни знание 18-ти языков, ни звание академика, ни новая жена, ни новая земля обетованная.

Мы не верим, что умираем безвозвратно. Мы не думаем об этом, даже когда на нашу крышку гроба уже сыплется могильная земля.

Но когда я остаюсь один, и никто не мешает, я снова чуть-чуть оживаю. Я вспоминаю время, когда был счастлив и когда был несчастлив, когда всё было настоящим и в первый раз.

Я хочу, чтобы это осталось и в вашей памяти, хоть это и не поможет мне воскреснуть.

Глава 1. ПРЕДТЕЧА, ТАК СКАЗАТЬ!

Не про нас аплодисменты,
Не в столице мы живём!
(Вас. Обский-Соловей)

Бузя лежал на полу, свалившись за унитаз, и мычал. Его голову покрывал разорванный "УниТАСС". Попытки вытащить Бузю из угла кончались матом, стонами и криком. Ему всё ещё было нехорошо от встречи с друзьями по физматшколе.

Вечерний туалет ходили справлять к соседям.
Наутро на двери туалета появилась "Молния":

Озверевший пи...рас,
Оторвавшийся от масс,
Уничтожил "УниТАСС".
Вся редакция в миноре:
Лупит гада в коридоре.

Я проснулся от того, что Вася Обский-Соловей, стоя в дверях нашей комнаты, читал это стихотворение вслух. Скромная, но чуть-чуть иезуитская улыбочка украшала его благородное лицо, когда он слегка менял последнюю строчку:

Вся редакция в миноре:
Пи...дит Бузю в коридоре.

Брогилевский стоял у стола и одобрительно слушал с широкой всезнающей ухмылкой на лице.

Бузя, к утру уже добравшийся до кровати, но ещё не опохмелившийся, кинулся догонять Соловья. Вернувшись злой, он сорвал "молнию" с двери туалета и долго ругал нас сволочами и гадами.

Мы встретились случайно, как и всё хорошее в этой жизни.

Я опоздал к началу занятий в Универсе, и на это были причины. Первые два курса были насыщены жизнью. Сначала "картошка", о которой слагали песни, затем первая любовь, увы, непринятая, первый завал сессии, первые успехи в спорте и глубокое разочарование в этой спортивной жизни. Я с трудом сдал последнюю сессию и в полном душевном опустошении уехал на каникулы домой. Возвращаться не хотелось.

Опоздав, я не стал искать старых друзей, свидетелей моей неудавшейся жизни. Комендантша предложила свободное место у незнакомых ребят, и я согласился. На следующий же день соседи по комнате под предлогом, что хотят поселить у себя приятеля, нашли мне место в другой комнате и даже любезно перенесли туда мои вещи.

Я появился там, когда Обский-Соловей решал, остаться ему в этой комнате или перейти в соседнюю. Обе комнаты давно сдружились, и проблема выбора долго и бурно обсуждалась снующими туда-сюда студентами. Наконец, Вася ушёл, и я остался на его бывшей койке.

Жизнь текла вяло, на лекции не ходилось. Но однажды вечером Саша Брогилевский пришёл откуда-то сердитый и сказал:

- Гад Ельчук! Я им принёс красивый рисунок, а они меня выгнали из редколлегии.

Когда Саша бывал сердит и хмурил лоб, он смущённо улыбался, как бы извиняясь за себя, поэтому трудно было понять глубину его огорчения.

- Какой рисунок, Саша? - спросил Ёжик, - Покажи.

- Вот ... Прометей, прикованный к унитазу.

Рисунок пошёл по рукам, вызывая заслуженные смешки. Прометей (а может Лаакоон) стоял под унитаза бачком и рвал с себя цепь от ручки унитаза, которой он был весь обмотан. Смеялись от души.

Саша был доволен эффектом.

- Да, Саша, - сказал прагматичный Рома По, - за такое тебя и из Универа выгнать можно.

- Саша, а ты где был, расскажи, - попросил невозмутимый Ёжик.

- Да-а, Ельчук взялся делать "Прометею" и сказал, чтоб я пришёл.

- А-а, это наша физфаковская стенгазета! А почему он?

- А больше никто не хочет быть редактором.

- Да, скучная газетка, и стихи там дурацкие, - заметил я.

- Нет, не скажите, - манерно подперев подбородок двумя пальцами, возразил Соловей, - вот в номере к восьмому марта, там были, например, такие стихи:

Я на всё всегда готова:

На луну лететь готова,

И на Марс лететь готова ... , -

и подпись – Галя Б.

Мы легли. Смахивая выступившие слёзы платочком, Рома заметил:

- Знаем мы эту Галю - Бэ.

- Да нормальная девушка, - смутился я.

- Ну-ну! – и Рома покрутил пальцем у виска.

Галя поразила нас ещё раз, когда через год выскочила замуж за заезжего морского офицера и уехала с ним в никуда, за своим женским счастьем.

- Ребята, ребята, ну что вы! – замахал руками Ёжик, - дайте же Саше сказать. Рассказывай, Саша.

- Ну, он попросил нарисовать заголовок и рисунок сделать. А потом ругаться стал и выгнал. Спасибо сказать должен. Ему принесли свежую идею, а он... Да его занюханную газету никто и читать не будет.

Все выразили согласие.

- Я ему стихи принёс - так стал критиковать, - сказал в свою очередь Вася, - говорит, переделать надо.

- А я ещё хотел им всякие вырезки в газету наклеить, - рассказывал дальше Саша, - так он вообще чуть с ума не сошёл.

Мы стали смотреть вырезки. С коридора заходили люди и спрашивали: "что тут у вас за шум, чего это вы так ржёте?" Вырезки были картинками из разных журналов, изображали людей в неожиданных ракурсах и воспринимались под стать Сашиному Прометею. А ещё там было много курьёзных и смешных заголовков.

- Нет, надо свою газету делать, - сказал Рома. - нельзя, чтоб такие картинки пропадали. Придумаем для них подписи ...

- Напишем передовую, заклеим в ней Ельчука, у Соловья стихи есть ... - подхватил Саша.

- Повесим её на стену вот здесь, и все будут ходить и читать, - добавил Василий.

- Ну, нет, - возразил Ёжик, - будут грязь носить, повесьте её лучше у себя.

- Нет, наша газета должна висеть у нас, - сказал я, - повесим её в туалете.

- Ага, и назовём её "Унитаз", - догадался Бузя.

- Нет, назовём её поэтично: "Унитея", - сказал Соловей.

- Лучше "УниТАСС" - с двумя "с" на конце, - невозмутимо заметил я.

От неожиданности такого кощунства все на мгновение смолкли, а потом дружно загалдели, обсуждая предложенное. Саша Брогилевский, сын политических ссыльных, и сам будущий диссидент, посмотрел на меня с уважением: ему в голову такое и не стучалось.

- А что, пусть будет "УниТАСС", - сказал он, - а Мосампилову, как лучшему исполнителю роли Наташи Ростовской, поручим страничку для девочек.

Сашина грубоватая ирония пришлась всем по вкусу. Меня хлопали по плечу и двусмысленно поздравляли. Предложение было лестное. Дело в том, что на днях, а может раньше, Соловей увлёкся кинематографом. Он привёз из дому допотопную кинокамеру и приставал ко всем, прося сочинить какой-нибудь сценарий. Тогда я придумал ему такую сцену.

Крупно: ноги, на одну из которых медленно и смачно надевают чулок. Крупно: лицо мужика, который смотрит куда-то с большим интересом. Кадры чередуются: чулок надевают всё выше, а интерес на лице возрастает всё больше. Камера медленно отъезжает назад, и оказывается, что это мужик сам себе и надевает чулок.

Я разыграл эту сцену перед кинокамерой. Чулки у меня были, чтобы носить зимой вместо неудобных кальсон, но оказались короткими. Когда просматривали плёнку с этой моей первой ролью, все почему-то смеялись, а мне никак не нравилось выражение на лице мужика: интерес был какой-то неестественный.

Вася просёк идею, и мне пришлось потом ещё исполнять такие же сцены с неожиданным финалом, например: разъярённая толпа выбрасывает меня из окна, я в ужасе пытаюсь вырваться, но не помогает, я падаю головой в сугроб так, что торчат только ноги в валенках, скорбно подходят друзья, пытаются вытащить меня за валенки - а под валенками никого нет. Все эти сценки Брогилевский с Соловьём сняли на плёнку, а потом объединили в фильм под названием "Месть оператора", имевший серьёзный успех в общезитии.

- Ребята, ребята, послушайте, - вдруг замахал руками Ёжик, - так нельзя. Это уж слишком. Давайте хотя бы английскими буквами напишем "Uni-TASS" и через чёрточку, чтобы не так понятно было.

- Нет, только без чёрточки: вся идея пропадает, - возразил я.

(Ёжик всё-таки нарисовал свою чёрточку, когда газета была уже готова.)

- Но по-английски - это даже хорошо. Кстати, я уже и рисунок для заголовка придумал, - Саша немного поработал карандашом, усмехаясь, и показал набросок. Вместо Прометея над унитазом сейчас томно вздымалась пышноволосяя блондинка, одной рукой кокетливо приподнимая выше колена подол платья, а другой держась за цепь, свисающую с бачка.

Отпад был полный. Скромный Ёжик, однако, покраснел и огорчился:

- Саша, это никуда не годится. Такое неуважение к женщине. Я не ожидал от тебя.

Но к Ёжику никто не прислушался.

- А в руке у неё пусть будет смятая газетка с надписью "УниТАСС", - предложил Бузя.

Саша попробовал это изобразить, но получалось плохо, потому что на этой газетке надо было снова нарисовать блондинку с газеткой и так дальше.

В конце концов, под давлением Ёжика Саша до предела облагородил рисунок: унитаз из-под блондинки был убран, а сама она красовалась на месте земного шара в некоем подобии советского герба, снопы которого заменял стульчак от унитаза.

- Ну что ж, давайте несите материал в газету и сдавайте мне, - сказал Брогилевский.

- Нет, пусть каждый пишет в газете свою заметку сам, своей рукой, и никто его не критикует и не исправляет, - предложил я, и после небольшой дискуссии всем это предложение понравилось, особенно Васе Обскому-Соловью.

Вася был родом из небольшого сибирского городка и по-провинциальному скромн, но обладал массой талантов. Он хорошо рисовал, сочинял великолепные стихи, играл на баяне, имел грудь Аполлона и никогда не сидел без какого-нибудь нового дела или увлечения. При этом он всё делал легко и с улыбкой, всегда был на ногах, и даже сессии сдавал, как молочные бутылки. На первом курсе он провозгласил лозунг "Взорвём общагу изнутри". Он готовил взрывчатую смесь и подкладывал её под конфорки в электроплитах. Ничего не подозревавшие студентки ставили кастрюли, включали плиту и уходили. Смесь готовилась так, чтобы взрывалась не сразу, а когда взрывалась - только подбрасывала кастрюлю.

Поэтому никто вообще-то не пострадал, но однажды он чего-то не рассчитал и заложил такую дозу, что всю плиту разнесло в клочья, а бедная девушка только-только успела выйти. Заседал студсовет, виновных не нашли, но взрывы прекратились.

После Универа его забрали в армию. Выпав на время из струи, он не сделал большой научной карьеры, но зато передал свои таланты детям, а сам так и остался компанейским студентом.

Он женился на розовощёкой мехматке с редким именем Лида, такой же скромной и талантливой. Рома, нашигованный классической художественной литературой, любил невпопад многозначительно подсмеиваться: "Её звали по-мышинному - Лидией". Сейчас она профессор. Они никуда не уехали, их хорошо знают в городке.

- А кто у нас будет главным редактором? - спросил Бругилевский, - Я не могу: я художник и оформитель. А редактор, сами понимаете, - это человек солидный. Предлагаю Баснецова!

- Ты Саша дурак. Ты ничего не понимаешь, и вы все, - замахал руками солидный Баснецов. - Вот вы все сейчас хохочете, а завтра вас всех заметут. Ага. И я вас знать не знаю. И-и всё.

- Да мы тебе псевдоним дадим, - сказал Соловей. - Мы тебе одну букву исправим: был ты Е.А.Баснецов, а станешь Е.Б.Баснецов.

- А, все вы дураки. Пошёл я от вас, - и Бузя ушёл к своим друзьям по физматшколе. А мы торжественно утвердили его главным редактором.

Женька Баснецов действительно стал солидным человеком: директором института, членом Академии наук. Но, даже имея столь видимый успех, он продолжал жаловаться, что все вокруг дураки, никто его не понимает, и все ему мешают.

После ухода главного редактора сама собой работа пошла, «закипела».

Саша нашел лист розовой бумаги подходящего размера и начал выводить на нём заголовок. Страничку для девчат стыдливо назвали "Девичьим листком", и Вася Соловей обещал принести для неё лирические стихи. Мы согрели чаю, и компания стала ещё теплей. Пришёл Бузя и, выпив чаю и пообзав, пообещал написать передовую статью. Я увлёкся созданием "стихотворения номера":

В качество количеству
Нужно перейти,
А его величеству -
В туалет пойти.
И его величество
Весь ... класс

Энное количество

... в унитазах.

Бабушки, не мучтесь,
Те или не те.
Нет газеты лучше,
Чем "Юманите".
Два и два - четыре,
В качестве скачок:
"Молодость Сибири" -
Сразу на бачок!

Всядем, пролетарии,
Благороден труд:
Пусть одни фекалии
Паразиты жрут.

И соединимся
Без различья рас
В "Уни-
ТАСС"!

(Намёки, понятные тогда, вообще-то требуют пояснения: "Молодость Сибири" выходила на четырёх листах малого формата, тогда как другие наши газеты - на двух листах большого формата; а газета французских коммунистов "Юманите" печаталась на ихней очень тонкой и вместе с тем прочной бумаге.)

Точками пришлось заменить нехорошие слова по настоянию Ёжика и Ромы.

Соловей прочитал и спросил:

- А точки это что - "рабочий" и "се...ет"?

- Как ты догадался? - изумился Ёжик.

Разгорячённые процессом, мы засиделись за полночь. Ёжик написал критическую заметку за подписью: Инна Дубина. Василий, набросав пару строк, которые мы тут же раскритиковали, ушёл к себе, пообещав написать на всех. Глубокой ночью "усталые, но довольные" собой мы легли спать.

А утром пришёл Обский-Соловей и разбудил нас своими стихами.

Он читал, захлёбываясь слюной - от восторга, и помещая в скобки непечатные варианты:

Наш главный редактор Е.А.Баснецов (Е.Б.Баснецов)
Сидит днём и ночью в своём кабинете (в своём туалете)
И лучшие годы отдать он готов
На благо любимой газете.
"Вино и газета - таков мой удел,
Седьмую жену изгоняю из дому.
На женщин красивых плевать я хотел (блевать я хотел).
Налей-ка стаканчик мне рому (мне, Рома)!"

Женька скривился, как будто у него заболел зуб:

- Дурак ты Василий, и шутки у тебя дурацкие. Зачем это писать: "седьмую жену ..."? Ну что это такое? А если кто прочтёт? И подумает? Уйди ты, Василий, - и

он долго ходил и жаловался на жизнь, что его никто не понимает, и что печатать это в газету не нужно.

Поэту Е. Мосампилову тоже досталось, но за что (?) — я не успел к тому времени ничего на Василия состряпать:

Е. Мосампилову посвящаю.

“... Город спит, общага дремлет.
Не скрипит в тиши кровать.
Милка! Нам никто не внемлет.
Милка, дай себя обнять.
Не отталкивай, послушай -
Это вовсе не шутя.
Милка, ты бутылки лучше.
Ненаглядная моя!
Я, забыв про всё на свете,
Помню, Милка, о тебе.
Даже сидя в туалете
Над стихами Б-беранже.
И, держа в руке бутылку,
Слыша снизу гул стихий,
Я тебе, родная Милка,
Посвящаю все стихи”.

А в лирический "Девичий листок" он принёс действительно крик женской души:

... Я хочу, чтоб меня любили
Насовсем, а не так, чтоб бросить,
Чтоб меня на руках носили,
О других позабывши вовсе.
Незамужние ходят девчонки,
Неженатые бродят мальчишки ...

В другом его шедевре мне пришлось подредактировать последние строчки:

А за стеной тайга шумела,
И ветер за стеной ревел.
И ты вошёл, ворвался смело,
Оставив незакрытой дверь ...
А я, подойник уронивши,
От счастья обомлев чуть-чуть,
Тебе на грудь лицо склонивши,
Глаза закрыв ... Молчу, мулчу ...

Последнее "молчу" было опечаткой, которую допустил Василий при переписывании в газету. Но именно это слово всем понравилось, и решили оставить так.

Я предложил страничку для девчат украсить милым девичьим личиком, обрамлённым вместо пышных льняных волос стульчаком от унитаза. Но Ёжик был непреклонен, Рома тоже посмотрел на меня с глубокой скорбью, и пришлось

отказаться от этой соблазнительной идеи. Вот и говори после этого об отсутствии цензуры.

Женька Баснецов принёс передовую.

- Вы её, это ... Не сильно ругайте. Переделывать ничего не надо ... - смущаясь, повторял он.

Грамматические ошибки мы всё же исправили. Статью кончал стихотворный призыв:

Око за око - а газете цвезть!
А паразитам - фикалии есть.
Цвети УниТАСС, расти УниТАСС,
Двигай науку в гору.
Убери УниТАСС, смой УниТАСС
Грязную свору.

Рома скривил нос, прочитав статью:

- Ну, Бузя, это не ..., - но мы все дружно замахали на него руками, так как и ежу было понятно, что начинающего автора надо поощрять.

Статья пошла на первую полосу. В-общем, после обеда газета была готова полностью. Саша, охваченный энтузиазмом, даже не пошел в столовую.

Первым читателем был Миша Ельчук. Его привёл, довольно улыбаясь, Василий Обский-Соловей. Он стоял рядом с Ельчуком и пальцем показывал на особенно удачные места, которые надо непременно почитать. Миша на этих местах кричал и качал головой. Вокруг стояли довольные любопытные, наслаждаясь эффектом.

- Да..., - закончив читать, сказал под конец порозовевший Ельчук, - Ну что ж Саша, поздравляю! - И он пожал Брогилевскому руку.

Газета имела шумный успех. Туалет не закрывался от посетителей.

К вечеру вновь усталые, но довольные, мы блаженно возлежали на своих кроватях, когда вбежал вездесущий Соловей.

- Скорее, проректор идёт. - Он снял газету со стены клозета, свернул в трубочку и убежал прятать к себе в комнату.

Ёжик нашёл ведро и тряпку и вымыл пол. Все чинно уселись вокруг круглого стола, разложив тетради и учебники, а я так и остался лежать на кровати, чтобы не мешать Ёжику.

Проректор пришел через полчаса в сопровождении комиссии и, степенно войдя в комнату, стал спрашивать, как мы поживаем. Рома с Ёжиком как воспитанные мальчики вежливо ему отвечали. Мне очень не хотелось вставать, и я притворился спящим, что было близко к действительности.

Кивнув на меня, проректор спросил, чего это я одетый в пальто лежу на постели.

- Да он плохо себя чувствует, - нашёлся Рома.

- А что с ним?

- Наверно, заболел, - сообразил Ёжик. Я был очень благодарен ребятам и проректору, что они не стали углубляться в эту тему. В голове у проректора в это время вертелся другой вопрос.

- Ну, а как у вас с чистотой, поддерживаете? А в туалете у вас чисто? - и комиссия в полном составе и сопровождении прошла в туалет.

Проректор разочарованно посмотрел по стенам, заглянул под унитаз, и комиссия удалилась.

На следующий день председатель студсовета пытался выкрасть нашу газету из нашего же туалета, но его застукал всё тот же Соловей и с помощью члена студсовета Миши Ельчука вернул её на место. А вечером Баснецов ушёл отмечать очередной день рождения с друзьями из физматшколы и, вернувшись пьяный, разорвал газету и сломленный Бореем свалился за унитаз.

Глава 2. ГЛАЗ НА ФОНЕ УНИТАЗА.

Так-то был зачат он,
Милые девчата. .
(И.Шершеляфамова)

Оказалось, что наш главный редактор был близок к истине. Большая газета, висевшая в людном месте, была уязвима. Жизнь требовала новых форм для излияния духа. Идея носилась в воздухе.

Я подумал немного и схватил её за ноги:

- Лучше делать не газету, а журнал: к нам будут ходить гости, и мы его будем им показывать.

- И сами мы тоже будем ходить в гости и носить наш журнал с собой, - добавил Брогилевский.

Саша очень любил ходить в гости. Это был обязательный ритуал его жизни. Но не единственный: ещё он обязательно отправлял толстую пачку поздравительных открыток своим многочисленным друзьям и знакомым к каждому празднику. На открытках чётким каллиграфическим почерком писались два-три, а то и одно лишь слово "Поздравляю!". Когда я его спросил, какой смысл посылать открытки со столь малым количеством слов, он ответил, как несмышлёному малышу, снисходительно усмехаясь: "не пишем - и писаны не будем!" - и добавил, видя мою непонимающую рожу: "если мы не будем писать, то кто же будет писать нам?"

Его внутренний счетчик срабатывал регулярно (чаще по субботам). Саша вставал и с озабоченным видом, заложив большие пальцы, как в своё время Ильич, за лацканы расстёгнутого пиджака, надетого на вязаный жилет, делал несколько шагов по комнате. Затем приподнимался на носки и опускался на пятки. И, наконец, обводя острым орлиным взглядом присутствующих, решительно и быстро произносил: "Пора!.. Пора идти. Кто со мной?" Это означало, что пришло время идти в гости.

Под его недрёманным взглядом Ёжик начинал вертеть задом на стуле и заискивающе спрашивать: "Куда идти, Саша?" - "Приехал Фишман из Москвы, привёз новости". - "Какие новости, Саша?" - "А вот пойдём и узнаем какие". - "Кто такой этот Фишман и зачем нам его новости, Саша?" - "Как? Ты не знаешь, кто такой Фишман, и жил с ним в одном городе?" - "Ах, да-да, знаю-знаю, такой длинный, ещё заикается. Саша, мне конспект надо переписывать". - "Та-ак ... Рома?" - Рома нагло ухмылялся в ответ, раскачиваясь на стуле: "Знаем-знаем мы твоего Фишмана. Иди Саша один. Дуй-дуй, паскудная рожа!" Это была цитата, чуть-чуть не к месту, как обычно, но на Ромины цитаты, повторяемые с обворожительной улыбочкой, не обижались.

Когда Саше не хотелось идти одному или когда он знал, что мне будет интересно, он говорил: "Пошли, Евгений. Тебе надо приобщаться", - или: "Идём. Посмотрим на Блюмкину бл...".

С Сашей я ходил охотно, как житель портового города, где привыкли общаться между собой, не особенно проникая вглубь, русские, украинцы, китайцы, корейцы, евреи, якуты, мордвины, чалдоны и бог знает кто ещё.

Каждый народ привык ходить в гости по-своему. Русские, за годы советской власти отвыкшие от естественности общения, договариваются заранее ("незванный гость - хуже татарина"!) по какому-нибудь случаю, сопровождают встречу едой, чаем и, если есть на что, выпивкой. Собираются в общем-то ради вкусно поесть. Украинцы сходятся по выходным, за столом пьют водку, вспоминают горилку, и

спивают песни. Евреи ходят друг к другу обычно по субботам, и это священный ритуал, деловой и степенный обход всех знакомых.

Идём в седьмое общежитие - гуманитарное. Его воспоёт немного спустя поэт:

Девушки седьмого общежитья,
Я скажу вам, правды не тая:
Я хороший парень - Бахис Витя,
Хоть и не читал Хемингуя!

Поднимаемся на последний этаж. Заходим в одну комнату: "Где Шурик?" - "Ушёл к Гарику". Идём в другую: "Мосик, привет". Там уже сидят, развалившись на кровати, двое, а хозяин, долговязый и отродясь небритый Моисей Фишман, ходит по комнате со стаканом чая в руке и рассказывает. На столе - рваная газета, мусор, засохшие корки хлеба. Все в ленивом трансе, никто мне не удивляется.

Саша доходит до середины комнаты и спрашивает: "Как жизнь? Какие новости?" Мы садимся на свободную кровать, не снимая пальто. Разговор течёт вяло и состоит из коротких фраз об общих знакомых, которые никак не похожи на особые новости. Кто-то заходит, кто-то уходит. Похоже, что так же было и до нас, и во веки веков.

Наконец, Саша встаёт. Мосик спохватывается и начинает предлагать чай: "Вот, там и хлеб есть". Саша с сомнением смотрит на засохшие корки: "Нет, мы лучше пойдём". Особые московские новости так и остались неизвестными.

В другой раз идём посмотреть "Блюмкину бл...". Это явно интересно, и к нам с Сашей присоединяются Рома По и Аркаша Сюсюлетов - компанейский живчик с 34-мя зубами. Абрам Блюмкин за лето возмужал и захотел пожить с женщиной. Как находят женщину, ему рассказали. Он поехал на танцы в соседний городок Бердск, где интеллигенции поменьше, нравы попроще, а такие жгучие красавцы-брюнеты встречаются лишь среди начальства.

Он познакомился с двумя и сразу уговорил ту, что была покрепче телом и похуже зубами.

Эта естественная история кажется нам фантастической. Девушки, которые так легко дают, нам неизвестны. Они объявятся позже, когда и мы научимся и захотим их уговаривать. Возбуждённые предвкушением необычного зрелища женщины, которая могла бы в принципе дать и нам, мы толпой вваливаемся в бывшую душевую, где сейчас живёт Блюмкин. Эту тесную комнатку без окон он специально под это дело выпросил у комендантши и оборудовал под жильё. Рассаживаемся, где можем.

- Ну, чего ждём?

- Саша, извини. Я тебя пригласил... Обычно она в это время уже приезжает, но сегодня не будет: пошла на день рождения к подруге.

В компенсацию хозяин показывает её фотографию. Разглядываем, не торопясь, и уважительно передаём из рук в руки. Блюмкин степенно, как подобает настоящему мужчине, рассказывает, что живёт с ней уже две недели, что она ему здесь готовит еду, что последнее время стала намекать на женитьбу - пора с ней завязывать.

- Слышь, Саша! Она себе туда каждый раз такую таблетку вставляет белую, чтобы не забеременеть. Прямо у меня на глазах.

- А тебе эта таблетка не мешает? - с ехидцей спрашивает Рома.

- Да нет, она там растворяется, пена лезет и пощипывает немного.

Появляется бутылка красного вина, купленная для интимной встречи. Нас набилось в бывшую душевую человек десять. Сидим, где попало, и передаём по кругу бутылку. Компания теплеет. Из глоток сами собой появляются истории,

связанные с женщинами: о том, что такой-то имярек живёт в Москве уже с другой бабой; о том, что одноклассник такого-то женился на своей однокласснице и Гарик был на их свадьбе, как жених потел под покрывалом и что ещё было интересного на этой еврейской свадьбе; о том, что рассказал как-то отец Букиса. Галдим неизменно, сыпятся вопросы, подробности и впечатления. О женщинах могут говорить все.

Коротышка Букис с живыми глазами навывате прославился тем, что умудрился за время обучения в университете получить два диплома.

Уйдя в академ-отпуск по здоровью, он поступил еще и в педагогический институт сразу на третий курс. Вернуться из отпуска он мог только через два года, потому что на его специальность "математическая лингвистика" набирали студентов раз в два года. За эти два года он и успел закончить пед.

Его отец на войне командовал взводом. Как-то раз они взяли один город в Венгрии. Букис старший пошёл искать по улицам. Но жители, уже опытные, попрятались по подвалам и не выходили. Наконец, злой, в одном окне он увидел слабый свет, вынул пистолет и ринулся туда. В доме был старик и парализованная старуха. Размахивая пистолетом, он стал требовать по-немецки, "где дочь?" Старуха заплакала и, кивнув на занавеску, ответила: "иди, смотри". За занавеской стояла кровать. "Здесь только что был взвод солдат", - добавил старик.

Что увидел Букис-старший на кровати, понятно, осталось тайной, но с тех пор он никогда больше женщин не насиловал.

Мы вышли из Блюмкиной конуры на яркий солнечный свет, как из мавзолея Ленина на Красную площадь. На ослепительном зимнем солнце быстро испарялась лёгкая грусть возвращения в реальную жизнь.

- Лучшие женщины - это негритянки, - сказал Сюсюлетов. - Негритянки - это моя розовая мечта.

- Или голубая? - непонятно съязвил Рома.

- Нет, - засмеялся Аркадий, - мои очки от солнца, сквозь которые я смотрю на мир, скорее розовые, чем голубые, - он снял очки, протёр и на просвет показал Роме.

Аркадий Сюсюлетов жил в одной комнате с Соловьём. Он легко общался со всеми, был душой любой компании, встречал в любые дела. Когда мы делали газету или снимали кино, он всегда крутился рядом, живо обсуждая идеи, и давал массу советов. Он много знал и явно был талантлив, но в отличие от Соловья стихов не писал. Его суета и советы были бесценны, потому что помогали другим найти верное решение, но это редко было его решением, потому что на своих идеях он не настаивал.

В жизни он никогда не имел врагов, а друзей приобретал постоянно. К любому человеку был крайне благожелателен, со всеми держался чуть-чуть ниже, но так, что это казалось уважением. Это свойство души очень помогало в карьере. Старшее начальство было от него без ума. Менее удачливые, видя его успех у сильных мира науки, постепенно стали относиться и к нему с благоговением. Он охотно обещал, но никогда не выполнял, если делать надо было самому. Так что ему приходилось поневоле быть организатором. Оказалось, что это и есть его место в жизни. Он прославился тем, что организовал в Академгородке Интернет-сеть. Этим он вошёл в историю.

Впервые я увидел Аркадия "на картошке" в селе Морозово перед началом первого курса. В один из вечеров был устроен концерт самодеятельности (или, говоря по-московски, капустник). Он вышел читать "Вам" Маяковского. Читал мастерски и одет был импозантно: в чёрный "битловский" пиджак без воротника. Кто-то рядом сказал: "Ну, Аркаша сейчас выдаст!" - "Что выдаст?" - заинтересовался я. - "Ну, ты что, не знаешь? Там у Маяковского в конце "в баре

бл...ям буду". У нас, конечно, вырезали, в полном собрании сочинений. Аркаша специально вылез, чтобы правду выдать".

Стих подходил к концу. Зал, наполовину предупреждённый о предстоящем, затаил дыхание. Я тоже.

"Вам, любящим баб да блюда,
жизнь отдавать в угоду?
Я лучше в баре
бабам буду
подавать ананасную воду!"

Зал бешено аплодировал, а меня охватило горькое разочарование.

Протолкавшись вперёд, я приблизился к толпе, окружившей Аркадия. Явно довольный вниманием к себе, смущённо улыбаясь, он оправдывался с достоинством верной жены, не удержавшейся от подь...бки на стороне: "Ну, не смог я. Хотел, но не смог".

Он был политик.

Аркадий женился на очаровательной и мудрой женщине, которую знал со школы. Неизвестно, когда это началось: он всегда был её постоянным другом и поклонником, она отвечала ему такой же милой заботой, - идиллия налицо, но не более того, и все принимали это как должное.

Между тем, она успела выйти замуж за другого и разойтись. Она была очень красива. Другой бы на месте Аркаши давно уже отчаялся, но, наконец, на последнем курсе лёд стронулся. Однажды Сюсюлетов с заметным облегчением сообщил, что ночевал у неё, а потом они и поженились.

Пожалуй, мне известна настоящая причина этой его просто необычайной привязанности. Я видел Надежду в школьные годы, минуту - не больше, но эта минута запомнилась на всю жизнь.

Было это в летней физматшколе. В первой летней физматшколе научного центра. Нам организовали прогулку на теплоходе по Обскому морю. Все мои друзья по комнате дружно предпочли игру в покер, а я, морской житель, соблазнился и битых полдня изнывал от скуки без друзей и знакомых, глаза с палубы на мутную Обскую лужу, над которой нависали такие же тёмно-серые облака. Ветра не было, парило невероятно, и остановка на купание не принесла радости: волн не было, берег был земляной, дно илистое и коряжистое и даже вода пресная и грязная.

Обратный путь скрашивала только надежда на его окончание. День перешёл в вечер, - и тут вдруг подул легкий ветер и расчистил небо на западе. Среди чуть расступившихся тёмно-синих облаков возникло яркое оранжевое небо и заходящее солнце, огромное золотое и отливающее медью, как начищенное обручальное кольцо 583-й пробы. Закат был непередаваемо великолепен и казался наградой за неудачную прогулку.

На палубе заметно прибавилось народу, все оживлённо разговаривали и восхищались необычным зрелищем.

Мне захотелось взглянуть, как выглядит наш грязный теплоход в золотых лучах заката, и я обернулся. В трёх шагах прямо передо мной у стены рубки в полнейшем одиночестве стояла необыкновенно красивая круглолицая девушка. Хрупкое создание на ещё тонких ножках в лучах ослепительного заката на розоватом фоне стены выглядело абсолютно нереально. Её лёгкое светлое платье и косыночку, повязанную на шею, чуть шевелил ветер. Руки, спрятанные за спину, не мешали наблюдать высокую упругую и округлую грудь и стройное нежное тело. Загар на чистой бархатной коже под лучами заходящего солнца источал сказочный

индейский красновато-золотистый свет, ещё более необычный и великолепный, чем у солнца. Зачёсанные назад тёмные волосы открывали огромный умопомрачительно круглый лоб без единой морщинки. Лицо (у всех девушек лица прекрасны), было мирное и спокойное, и просто ничем не походило ни на одно другое. Ласковые чёрные глаза, не мигая, и задумчиво смотрели прямо на солнце. На губах осталась одна из тех загадочных женских улыбок, которые так тревожат мужское воображение. Это была не классическая понимающая улыбка любвеобильной Джоконды, а улыбка юной души, знающей только, что она сейчас хороша.

Я замер, ничего больше не видя вокруг. Она тоже ничего вокруг не замечала, наслаждаясь красотой заката. А может быть, - кто знает, - искусно притворялась, чувствуя, что ею восхищаются. Я смотрел в её застывшее волшебной восковой маской лицо несколько мёртвых секунд, всё больше удивляясь, что эта живая картина никак не меняется. И вдруг со страхом подумал, что если сейчас что-нибудь изменится и произойдёт обыденное: солнце зайдёт за тучу или она вдруг взглянет на меня, глупо глазающего, - это может закончиться жутким разочарованием.

(Так часто бывает: идёт впереди ну ... женщина, всё в ней ладно: фигура, причёска, одежда, - так что ноги сами собой бросаются вдогонку, догоняешь, заглядываешь в лицо - "страшнее атомной войны". Или стоишь в очереди к очаровательной продавщице, ешь её глазами, ждешь, когда же очередь подойдёт, прикидываешь, как с ней заговорить, - и вот, наконец, всё: она открывает к вам свой прелестный ротик, - увы, - "изрыгающий гнусные проклятия"!)

Мысль моя меня доконала. Я повернулся к закату, чтобы немного успокоиться и посмотреть, сколько он ещё будет длиться. Невероятно: солнце быстро заходило за тучу. Через секунду я понял, что надо обязательно подойти к девушке и ..., тут же обернулся - её не было.

Теплоход подошел к пристани. Я осматривал всю выходящую толпу - её не было. Все последующие дни я не пропускал глазами ни одной девушки и ходил на все общественные сборища - её не было.

Через три года она оказалась Надеждой.

Я вспоминал её освещённый солнцем образ всю жизнь, к старости он стал потихоньку стираться.

Пожалуй, все мы одинаковы. У Аркаши в сердце был свой не менее чарующий образ первой встречи с Надеждой.

На их свадьбу мы сделали стенную газету, последнюю. Я посвятил им два сильно рифмованных стишка, которых никто не понял. В первом – любимые словечки Аркадия. Во втором – каламбур.

Конь -	Наде Ваня
огонь.	На диване
Кобылица -	Надевал
львица.	Сандалии.
Конь к кобылице	Вот девица
"мылится",	Удивится:
А кобылица -	Ведь, они -
"кобылится".	На талии!

А в страничку для девчат поместил лучшее из всего, что сочинил:

У матрёшки Кати
Расколосось платье.
Будет Катю мать
Бить и матюкать.

Все смеялись ...

Но всё это в будущем, а пока мы обсуждаем идею нашего журнала, кто, сидя за столом, а кто, лёжа в ботинках на кровати.

- Название будет тем же? - спросил Рома.

- Нет! Он же будет лежать на столе, возможно, даже на обеденном. Название должно быть более приличным, - возразил Брогилевский. Все стали придумывать всякие названия, распаяясь всё больше.

- Давайте назовём его "Прометей" - это звучит гордо, - предложил Обский-Соловей.

Я полусонно лежал на кровати, задрал ноги на её спинку, но тут меня осенило. Я чуть не захлебнулся от подступившего к горлу смеха:

- Не "Прометей", а "ПромеТАСС"!

Разорвалась бомба. Это новое слово живо напоминало "пид...ас" и потому особенно понравилось Роме. Никто не возражал. Саша тут же нашёл школьную тетрадь, и начал рисовать титульный лист. Материал для неродившегося "УниТАССа" номер 2 пошёл в журнал.

Однако надвигалась зачётная сессия, было не до лирики. Как сказал Ёжик, "совсем угас энтузиаз", - и только мы с Брогилевским продолжали работу. Саша написал передовую статью и с тех пор стал не только фактическим, но и формальным редактором. Подписал он её псевдонимом Г-р Манн. Это имя прочно прилипло к нему, как кличка. Уже неделю спустя его ласково называли Гур Маном и даже просто Гуром.

Журнал получился тоненьким и не ахти. Под названием "ПромеТАСС №1" стоял подзаголовок "Сингулярный журнал".

- Ничего, - сказал Саша, - номер 2 сделаем лучше, после сессии.

Журнал - не газета, его удобно рассматривать. И как в фотоальбом, в него можно вклеивать фотографии. У меня был фотоаппарат "Смена". Он легко входил во внутренний карман пальто, и я его носил там со взведённым курком. Получалось, как скрытая камера. В нужный момент, когда никто не подозревал, я быстро вынимал его и щёлкал.

Однажды я поймал такую сцену. На проспекте стояла "Волга", водитель держал руки на руле. Я как раз шёл прямо на неё. И вдруг "Волгу" стала обгонять телега, запряжённая лошадыю. На телеге сидел бодрый старичок в ушанке с растопыренными ушами. Я щёлкнул тогда, когда телега как раз поравнялась с "Волгой", и водитель посмотрел удивлённо на старичка, а старичок задорно ему ухмыльнулся, лихо замахиваясь кнутом.

В другой раз, меня обогнали две подружки. Они шли под-ручку и почти бегом. На одной было светленькое в клетку пальто и тёмные чулочки, а на другой - тёмное пальто и светлые чулочки. Это было забавно. Я вынул "Смену" и щёлкнул, как раз когда они враз, также под-ручку, перепрыгивали через ручей поперёк тротуара.

Снимки получились удачные, они даже не требовали подписей.

Василий Обский-Соловей принёс "комсомольские" стихи, которые, как он объяснил, сочинил ещё в школе:

Молчаливые сосны темнотою размыты.
Тихо стонет в палатке одинокий комар.
Ты ночуешь в тайге бородатый, небритый.
В головах не подушка, а древний Омар.

Ты оставил в Москве и жену, и квартиру,
Эрмитаж, Третьяковку и праздничный стол.
Чтоб могучие домны в тайге задымили,
Дал путёвку тебе и билет комсомол!

И к этому стихотворению он добавил ещё немного сыроватый отклик на современные события.

Не про нас аплодисменты,
Не в столице мы живём.
Но теперь и мы студенты
Тоже голос подаём.

Бей фарцовщика и вора,
Бей зарвавшихся писак!
Ничего, что лаает свора
Энтээсовских собак!

Мы под их не станем знамя,
С ними нам не по пути.
Только партия родная
Скажет нам, куда идти.

Пусть не лёгок путь неблизкий -
Веселей вперёд гляди!
Мы покончили с Синявским
И покончим с Галанским!

В это время в Москве происходили не очень-то понятные события, связанные с процессом Галанского, Файбишенко и Рокотова, и "примкнувшей к ним Лашковой". Узнать о них правду можно было только из газеты английских коммунистов "Daily Worker", что само по себе уже было непонятно: почему английские коммунисты пишут одно, а советские тоже коммунисты - другое.

Любопытные студенты бегали в газетный киоск на почтамте и раскупали все номера, о чём в иное время не могла и мечтать кафедра английского языка, державшая студентов в вечном страхе перед двойкой по ин-язу.

Однако после Нового года "Daily Worker" пропала. Возмущению не было предела: как, запрещают коммунистическую прессу? Нет, никто её не запрещал, - объяснили на кафедре марксистско-ленинской философии и истории КПСС. Ушлый Лёва Соболевский через три недели обнаружил у киоскёрши все номера спрятанными под прилавком и заставил бедную женщину их ему продать. Но заставить сказать, зачем и почему она их придерживала, не смог.

Удивительно, что впоследствии этот процесс как бы исчез из истории диссидентства. Об этой четвёрке молчат, когда поминают добрым словом всех остальных: и Синявского с Даниелем, и Буковского, и само собой Солженицына, и даже (непонятно за что) прохвоста Эрнста Неизвестного, названного Хрущёвым пид...асом, но в Брежневское время уже не бедствовавшего. Монументальных скульпторов я не люблю, после того как один из них легко испоганил лицо Новосибирска - Оперный театр, возведя перед ним маразматическую скульптурную группу исполинских размеров: Ленин, красноармеец, рабочий и крестьянка.

(Почему так повелось, что в скульптуре всегда крестьянка или колхозница, а не крестьянин, как на первом советском серебряном рубле? Не намёк ли это на то, что все, рядом стоящие в скульптурной группе и олицетворяющие привилегированных паразитов общества, - партруководство, солдатню и холуйский гегемон, - всегда пользовались крестьянством, как последней бабой, вконец отупевшей от пьянства, нищеты и безысходности?)

Такие группы, похожие маразмом замысла и бездарностью воплощения, можно встретить везде. Чем скульпторы так прельщали местное туземное руководство? А ху их знает!

В разгар работы неожиданно и солидно к нам зашёл член Клорида (клуб оригинальных идей) - один из первых читателей "УниТАССа" Ц.Ц.Цыдыдьмункуйочирелендышеременамаев и принёс длинный стихотворный критический отзыв на УниТАССовское стихотворение номера - не в струю и не в жилу. За неимением лучшего отзыв читателя решили опубликовать, места хватало:

Будь на страже, литератор.
Есть сигнал, что среди нас
Затесался провокатор
Под эгидой "УниТАСС".

Видя будни в сером свете,
Хоронясь "под новичка",
Говорит о туалете
Лишь с позиции бачка.

Коль бумаги маловато
Туалетной в мире,
Объясняет: виновата
"Молодость Сибири".

"Снизим времени потери!"
Поясняет на примере:
"Надевайте брюки сразу,
Не слезая с унитаза".

Сделал вывод пи...ас,
Что родной рабочий класс
Приобщается к газете
В сутки раз (и то в клозете).

Будет рад капиталист
Этакой заразе:
Ведь не видит пессимист
Завтра в унитазае.

Как посмел забыть подлец
В тёплом туалете,
Что ещё немало есть
Подлости на свете?

Всё культурней наш народ
День за днём и год от года.
На подтирку не пойдёт
Писанье такого рода.

Попадись нам, о, писака!
И на страх реакции
Мы тебя загоним раком
В мрак канализации!

Соловей принёс рекламу, но рубрика рекламы почему-то так и не прижилась в журнале:

Пржевальский, как лошадь,
Весь мир обшагал,
Куря папиросы
"Беломорканал"!

— Брось папиросу: никотин – яд.
Лучше на деньги, что сэкономлены,
С большею пользою для себя
Выпей стакан – сока вишнёвого!

Мне пришло в голову сочинить стихотворение с короткими строками. Попотев, я выдал лирическую семейную бытовуху в рубрику "стихотворение номера", и так как текст получился узкий, то обрезал страницу по вертикали пополам - для понту:

По
Парижу
Папа
рыжий
Вёл
маму
Ма-
даму

И
сына
Гар-
сына.

Названием стала Сашина газетная вырезка: "Плыл по Парижу крокодил", - и это почему-то всем понравилось.

Саша прочитал и, ухмыльнувшись, продекламировал: "Попа-рижу, папа рыжий". Затем сомнительно хмыкнул и добавил: "Сойдёт".

Другая Сашина вырезка "Есть на свете баобаб ..." пришлась кстати к другому стихотворному эксперименту:

Сказал баобаб:
"Я - баобаобаб".

Прибежал милиционер:
"Я - минимилиционер".

Рассердился баобаб:
'Я – минимаобаобаб!'

Ёжик смеялся, как ребёнок, над этими словесными выкрутасами.

Но какой должна быть "страничка для девчат"? – ломал голову её редактор. Нельзя отпугивать нежных девушек грубыми насмешками. И вот в 'девичьем листке' появилась Любовь Шальная:

Я хотела бы быть луной,
Белоснежной и заводной.
Бесконечно висеть одной
Между небом бы и землёй ...

Я хотела б, как лунный свет,
Ждать с тобою вдвоём рассвет,
Нежным тайным лесным лучом
Замирать за твоим плечом.

Снова тают мои глаза –
Не такая я, так сказать.
Снова тает в оврагах снег
И ручьи разделяют всех.

Я хотела бы – на беду –
Крикнуть каждому: "Перейду!"
Но надежды - как лунный свет -
Растворяет в себе рассвет.

Пришёл Обский-Соловей, прочитал опус Ц.Ц.Ц., загорелся унитазной тематикой и всё опошил. Он наспех создал что-то вроде отповеди, в которой был набор впечатляющих поэтических образов: «нутро непролазное», «дэгтемазные», «орудья конец», «не вполне удобный туалет», «мятая бумажка» и т.д., - и потребовал поместить в девичий листок. Пришлось дать место рядом с «листком», но Любовь Шальная этого не простила и ответила песней на популярный мотив:

Я гляжу на тебя: Вася, ну тебя,
Вася, ну тебя,
Вася, ну тебя.
Я бумажку помну, поверну себя.
Вася, ну тебя,
Вася, ну тебя.

И зачем он такой -
Ходит вечно за мной,
Хочет делать всё вместо меня:
И за ручку дергнуть,
И меня повернуть,
И бумажку мою поменять?

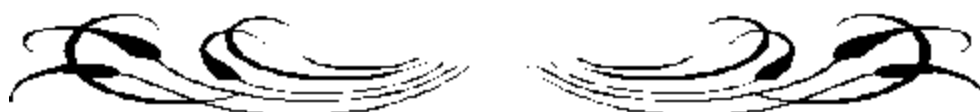
Посещают меня мысли разные,
Мысли разные -
Несуразные:
Не пройти мне в нутро непролазное.
Непролазное,
Дёгтемазное.

Я не знаю совсем,
По пути ли мне с ним,
Где назначит свиданье он мне,
И орудья конец
Повернёт, если нет
Туалетов, удобных вполне.

Е.Баснецов, читая, смеялся до слёз, уже с первых строк. Святая непосредственность!

Однако сессия трясла, и не только писателей, но и читателей журнала. Большинству было не до смеха. Читали с озабоченными лицами, а потом разъехались на каникулы. Я остался в общежитии, - дорога домой была длинная, - и все каникулы, почти не выходя из комнаты, сочинял журнал номер два. Никогда ещё с таким нетерпением я не ждал возвращения друзей.

Саша приехал последним и привёз альбом для рисования подходящего размера, передовую статью и много всякой всячины. Герр Саррио (Ёжик), Э-р По (Рома По) и Вас. Обский-Соловей, как оказалось, тоже не забыли о деле. Заходили разные знакомые и приносили всякую любопытную дребедень. Мы сваливали всё в общую кучу, а потом сели эту кучу разгребать.

Глава 3. ДИМУДОВИЧ, РУДЕНЧИК И ДР.

- Да ты дурак из дураков! Ты во Всесоюзном конкурсе дураков занял бы второе место.
- Почему второе?
- Да потому, что ты дурак!

(Из анекдота)

- Забастовка! Завтра бойкотируем столовую, - довольный Ельчук вошёл в нашу комнату и добавил: - комитет комсомола разрешил. Они уже совсем обнаглели: готовят плохо и грязь вокруг. Сколько им ни говорили - всё бесполезно.

Был субботний вечер, и сообщение не вызвало восторга. Обычно мы по очереди каждый божий день ходили покупать еду для нашего завтрака, чтобы утром не терять времени в столовой. Но не по субботам: воскресное утро каждый проводил по-своему.

- Нормальная еда. То, что я беру, мне нравится, - возразил я.

- Знаем мы ваши забастовки: все вокруг голодают, а вы сидите в общаге и обжираетесь, - добавил Рома.

- Вы тоже можете завестись.

- Может, ты нам принесёшь? - съязвил Саша.

- Вообще-то, мы поставим пост перед столовой, штрейкбрехеров будем вылавливать и разбираться, - потускнел Ельчук.

Спорить с комсомольским постом никому не хотелось, однако и идти в магазин после восьми вечера, когда всё уже раскуплено, тоже.

Саша первый понял безысходность ситуации и решил героически лечь под поезд. Он взял сумку и хмуро сказал: "Я пойду". Я вызвался ему помочь с тайной целью спасти его от покупки несъедобной колбасы.

Мы вышли в метель и обошли несколько магазинов, добросовестно прокладывая путь через сугробы.

Однако, пришлось купить и колбасу, воняющую чесноком, и недопечёные булочки, серые и несладкие, и жиденький кислый кефир. Настроение падало с каждой покупкой.

Увидав нашу еду, у Ромы и Ёжика вытянулись лица. Саша развернул пакеты и стал изображать энтузиазм и оптимизм.

- Я, пожалуй, завтракать не буду, - хладнокровно заметил Ёжик.

- А я хочу выспаться, меня до обеда не будите, - дипломатично заявил Рома и пошёл чистить зубы.

Саша удручающе посмотрел на меня и махнул рукой.

В общем, мы легли спать с тяжёлым сердцем и обидой друг на друга.

Наутро Ёжик проснулся первым и, принципиально позавтракав стаканом пустого чая, сел за конспекты. В окно било ослепительное солнце, отражаясь от свежесвыпавшего снега. День обещал быть чудесным.

Рома был неспросыпаем. У меня жутко болела голова. Мы с Сашей молча и принципиально перекусили, давясь несъедобными булочками и с отвращением глотая холодный кефир, а потом пошли узнавать новости о забастовке: Саша к столовой, а я - к соседям, из окна у которых была видна столовая.

Ничего интересного: никто столовую не осаждал, никто никого не отгонял. Саша пришёл и доложил, что работницы столовой уговаривают всех, кто проходит мимо, поесть. Особенно темпераментно, хватая за руки, заманивала низкорослая Нюра, о которой поговаривали, что она всем даёт.

Забежал возбуждённый Ельчук и радостно сообщил, что в столовой пропала куча еды, что директор обещает улучшить, и что после обеда, пожалуй, можно забастовку прекращать, а если кто очень хочет кушать, то может даже и пообедать.

- Да-а. Каков энтузиазм! - усмехнулся Саша, когда Ельчук убежал.

- Ну что, пойдём в столовую? - спросил я.

- Нет, тут продадут то, что не доели в завтрак. Пойдём лучше на Морской.

Рома идти отказался, продолжая спать. А Ёжик вежливо ответил, что ему так далеко идти не хочется.

- Ублюдки, - заметил Саша.

Мы опять проделали длинный путь через лес до Морского проспекта, молча отстояли в тамошней столовой длинную очередь, убедились, что обед не намного лучше, чем у нас в студенческой, и вернулись в общагу, постепенно осознавая, что жизнь возвращается в привычную колею.

Это была вторая "забастовка" столовой - нелепый отголосок своей предшественницы. Первая (и первая в истории Университета!) возникла на первом курсе, когда весь первый курс перед началом занятий традиционно убирал картошку в селе Морозово.

Об этой нашей "картошке" слагались и пелись песни, она дала заряд жизненной силы и сдружила все факультеты. Нам сразу повезло: начальником был легендарный полковник Корнев с военной кафедры, одно имя которого наводило на студентов мистический ужас. Этот неосознанный страх перед "тираном" сближал "рабов" и увеличивал их душевные силы.

В Универ ребята поступили,
Думали на лекциях сидеть.
Нас в колхоз насильно затащили,
Чтобы над картошкой корпеть.

Края далекие,
Поля широкие,
Где от работы дохнут ишаки.
Сосредоточиться,
Рассредоточиться...
Зачем забрал? Полковник, отпусти.

Нас со всех концов страны собрали,
Вёдра и лопаты дали нам.
Доброго пути не пожелали
И отправили ко всем чертям

В поля бескрайние,
Края сибирские,
Где лаптем щи хлебают мужики.
Без вин, без курева,
Житья культурного...
Зачем забрал? Полковник, отпусти.

Мы в колхозе очень долго жили.
Ели мы почти что каждый день,
Каждый день святую воду пили,
На полях работать было лень.

Село Морозово
Нас заморозило,
Нам даже ноги тяжело нести.
Идем, качаемся
И спотыкаемся.
Зачем забрал? Полковник, отпусти.

Мы кондиционную картошку
С семенной не спутаем вовек,
А в столовой нам дают по ложке,
Лишь бы не загнулся человек.

Ах, ты столовая -
Каша перловая,
Фруктовый чай нам пучит животы.
Сезон кончается -
Студенты маются.
Зачем забрал? Полковник, отпусти.

Не ищите нас по дальним странам,
В тёплых банях не ищите нас.
Мы живём за тем меридианом,
Где Макар телят своих не пас.

В Сибирь заброшены
Судьбой-коровою,
Мы от пивной и бани далеки.
Сто лет не мытые,
Сто лет не бритые.
Зачем забрал? Полковник, отпусти.

Эту за...бистую разухабистую песню хором распевал мехмат, на мотив известного романса «Дорогой длиною». Вечерами у костра возле их корпуса любили петь песни, и очень многие ходили просто их послушать. Певцы с мехмата

явно купались в лучах славы и восхищения, и я всегда думал, что песня про нашу жизнь, - переделка известной блатной песни, - сочинена кем-то из этих ребят.

Девушкам, однако, больше нравилась другая песня, которую певцы пели на мотив Окуджавы «Эта женщина – увижу и немею»:

Эти девочки - глазам своим не верю!
Эти девочки, увижу - ох и ах!
Где же платья? Где же юбки, в самом деле?
Ходят девочки везде в одних штанах.

От работы вы родные похудели.
Платья в талию умели вы носить.
Где же туфли? Где же шпильки, в самом деле?
Не пора ли сапоги вам заменить?

На полу в палате спишь ты две недели,
На фуфайке головою ты лежишь.
Где же простынь? Где подушка, в самом деле?
Надоела эта половая жисть!

А уехать мы должны на той неделе.
Лагерь наш мы будем в памяти хранить.
Ваши ножки - мы увидим, в самом деле,
И тогда вас будем, девочки, любить!

Несколько лет спустя я познакомился с Вале́й Богдановым, тоже с мехмата, и как-то в разговоре помянул песню про полковника.

- Да это моя сеструха написала, Наташка! - простодушно пояснил он, - Она чокнутая немного: всё чего-нибудь пишет. Она им на мехмате все песни написала. И в газету тоже.

- Подожди, - опешил я, - а вот на карнавале их ансамбль пел вот эту:

У нас есть бороды и дети,
У нас обязанностей тьма.
Но мы бесправны, как младенцы:
"Напра-", "нале-" и "ать-два".

- Ну да. И эту. Да ты че, не знаешь её? - спросил Валя, заметив мою отвисшую челюсть. Потрясение было полное: не мог я никак представить, чтобы такие сугубо мужские песни, петые мужественными голосами, могла сочинить скромная незаметная девушка.

- Да нет, никогда не слышал о ней, и не видел. Как она выглядит?

- Ну, господи, да ничего такого. Как-нибудь познакомлю.

Мне не довелось её увидеть или узнать о ней больше. Но спустя много лет я познакомился с другой скромной девушкой, школьницей, которая тоже писала на популярные мелодии слова, которые любили петь парни. Например, такие - на мотив АББА:

Маня, Маня, Маня,
После бани
Пойдём в магазин.
А-а, А-а-а ...

Или на мотив "Boney-M":

Варвара жарит кур.
Василий пьёт "Кокур".
Жарит, жарит кур.
Жарит – пьёт "Кокур".

Вот вам и «перегиб и парадокс».

Ходили и другие версии авторства песен. К чести мужчин, поминали вечно весёлого раздолбая с мехмата Толика Орлова и Витю Курских, которого я не знал. По слухам его тихо выгнали ещё с первого курса за драку с грузинами. А может и не выгоняли. Или восстановили.

Так и текла моя жизнь в неведении, пока совсем недавно милая и скромная, но дотошная сокурсница не посочувствовала и разыскала-таки Курских в Израиле. И он признался, что написал песню про девочек, а вот историческую песню о "картошке" сочинил Орлов. Вот бы не подумал! Ну что ж, и Пушкина не каждый принимал всерьёз.

Однако вернёмся к забастовке.

Сибирская погода в сентябре переменчива. "Временами дожди", "солнечно" и "на почве заморозки" чередуются в произвольном порядке.

Живём в пионерском лагере, в деревянных холодных корпусах. Спим прямо на полу на тюфяках, набитых соломой и картофельной ботвой. Встаём в семь утра и, надев телогрейки, выходим умываться ледяной водой. Солнце ещё не поднялось, и всё окутано сырым утренним туманом. После малосъедобного завтрака, традиционно кончающегося стаканом бледного фруктового чая, строимся по группам и получаем задание на работу. Работать ещё не хочется.

Обед бывает либо в столовой, либо в поле. После обеда солнышко печёт сильнее, и работать уже не хочется. Кончаем в шесть, и надо ещё терпеть час-два до ужина. В это время можно посетить киоск, где торгуют сельским ассортиментом сладостей. Организм молодого горожанина в таких условиях просто волком воет от тоски по сладкому.

И вот однажды, когда я лежал на тюфяке в мечтательном ожидании ужина, который почему-то запаздывал, вбегает земляк Серёжа Чернобаев и с выпученными на меня глазами верещит:

- Забастовка! Э, то есть голодовка. Бойкотируем столовую. Идём к мехмату, там всё узнаешь.

- Чего? Ты чё, сдурел? - говорю я, не поднимая головы.

- Сегодня на ужин не идём, мехмат объявил голодовку и всех призывает тоже не ходить. Ты что, штрейкбрехером хочешь быть?

- Штрейх- кем?

- Да ну тебя! Идём скорей.

- Подожди, - начал я соображать, - а жрать чего будем, киоск-то хоть работает?

Серёжа покрутил пальцем у виска, теряя терпение:

- Ты что, думаешь, один такой умный? Догоняй, давай, - и убежал.

В палате уже никого не было, кроме дремлющей в дальнем углу долговязой личности. Она перевернулась на другой бок и, засыпая, мудро изрекла:

- Если голодовка, значит, надо экономить энергию.

Это была интересная идея, и я полез в карман телогрейки, где должны были ещё остаться несколько карамелей с прошлой покупки. Их оказалось всего две.

- Негусто, - подумал я, - не надо было угощать Колю Иванова.

Я без удовольствия съел одну, кляня стадный инстинкт, и постарался продремать ещё с часик. Но на пустой желудок, разозлённый карамелью, дремалось неохотно. Наконец, я поднялся, голова кружилась, очумело пошатываясь, побрёл к мехмату. Шёл мелкий противный холодный дождик. От ощущения безысходности мутило. У корпуса мехмата никого не было, изнутри раздавался смех и вопли, никак не вязавшиеся с моим дурным настроением.

Пошёл к столовой - темно. Один в сумерках под мерзким дождём, так никого не встретив из знакомых, наполняясь жалостью к себе, я вернулся, поскользнувшись на грязи, съел последнюю карамель и, закутавшись потеплее, забылся мутным сном. Часам к одиннадцати все откуда-то вернулись, включили верхний свет. Чернобаев, растолкав меня, совал чего-то под нос:

- Мы с Ильёй тебе хлеба принесли, хочешь?

- Да пошёл ты на х..., - не очухавшись ещё, пробормотал я в ответ, как будто он был в чём-то виноват, - как сухой хлеб-то есть?

- Ну, как хочешь, - они с Ильёй ещё добавили несколько непонятных, но нелестных фраз в мой адрес, злорадно посмеялись, и я провалился в сон.

Утром после завтрака нас построили, и в зловещей тишине полковник Корнев произнёс речь, клеймя зачинщиков голодовки. Он говорил сдержанно, лишь один раз голосом и покрасневшимся лицом выдав кипевший в нём гнев. Это был высокий поджарый, уже стареющий мужчина с красноватым плоским крестьянским лицом с тонкими чертами. Одна нога короче другой, один глаз уже другого и скривлённый рот были последствиями контузии. Говорил он глухим гнусоватым голосом, не красуясь (как любят военные), простыми словами и вообще-то справедливо, никого не оскорбляя и без высокомерия начальника. Создавалось впечатление, что вот он всё понимает, но без наказания оставить не может. На том и разошлись.

Зачинщиками голодовки были ребята из физматшколы, первый выпуск её как раз поступил на наш курс. Вечером долго заседал педсовет. Вкатив по выговору, дело замяли, хотя за такое могли бы и выгнать.

ФыМыШат университетское руководство считало элитой. Они заваливали экзамены чаще, чем все, имели вечные задолженности, но пересдавали с лёгкостью на пятёрки. На первом курсе, ввиду якобы лучшей подготовки, их выделили в особые группы с повышенным к ним вниманием.

Подразумевалось, что они на голову талантливее остальных. Но, положив руку на яйца, мерилom этой талантливости было: попал в своё время в физматшколу-интернат или не попал, и даже, захотел или не захотел в ней жить и учиться в отрыве от дома и семьи.

Физматшкольники имели явное преимущество на старте перед остальными студентами: ясно, что о них заботились как о первом выпуске любимого детища научного центра, но главное - это то, что в физматшколе они два года тесно общались уже со своими будущими университетскими преподавателями.

Эти ребята были чётко нацелены физматшколой на научную карьеру, хорошо знали её кухню и часто с большим удовольствием вели разговоры о своих "шефах" и преподавателях: кто с кем, в каких отношениях, как и что сказал, - по сути, бабы пересуды.

За редкими исключениями они легко попадали в аспирантуру, садились на перспективные темы, быстро защищались и шагали по служебной лестнице, имели заграничные командировки и деньги. Многие из них, став большими учёными, не могли написать двух предложений без грамматических ошибок.

Студенты, бывшие в приятельских отношениях с физматшкольниками, использовали их связи и вполне успешно. Вся советская наука представляла собой

чёткую иерархию отношений у госкормушки. Научные результаты имели ценность, только если их тема могла заинтересовать именитого. А его в свою очередь могло заинтересовать лишь то, что можно было выгодно подать ещё более именитому. Самый ходовой вопрос в этой барско-холуйской среде был: "У КОГО Вы работаете?"

Ныне физматшкола, пережившая лучшие времена, остаётся местом престижа как для тех, кто хочет отправить учиться в неё своих детей, так и для тех, кто стремится в ней преподавать, - для всех, кто успех предпочитает умению. Детей в ней фанатично "учат учиться": насыщают огромным количеством знаний за кратчайшее время, заботливо следя, чтобы у них не оставалось желания на собственное исследование жизни и не появлялось соблазна использовать для этого естественный метод проб и ошибок.

В селе Морозово фымышата, сдружившиеся раньше, конечно же, были заводилами. Особенно на мехмате. Перед тем, как объявить голодовку для всех, они запаслись хлебом, сахаром, заваркой - из той же столовой - и весело провели "голодный" вечер. Когда я сказал одному из организаторов столь изысканной "голодовки":

- Ага, сами обжирались, а остальные голодали, - он искренне возмутился:
- Надо было прийти к нам, мы всем давали, кто хотел.
- Да, но только не всех об этом предупредили.

Испокон веков в России повелось, что "лучшие люди", воплощая свои благие намерения, свысока плевали на тех, для блага которых они якобы и старались. Один из наиболее позорных примеров - это восстание декабристов, с такой любовью воспевавшееся советской властью. Солдат, исполнителей замысла декабристов, вывели на площадь в парадных мундирах на три часа позже, чем необходимо было для возможного успеха этой демонстрации. Нет бы, одуматься и признать провал, так их заставили стоять на морозе без шинелей долгие часы до тех пор, пока царь не подкатил пушки. Ещё тогда можно было увести солдат, но этого сделано не было. Пушки стреляли, солдаты, которым некуда было скрыться, побежали через Неву по тонкому льду. Лёд проломился, и многие утонули.

Когда мы с Сашей из столовой на Морском вернулись в общагу, Ёжик сидел за столом и таинственно улыбался. Рома читал на застеленной кровати, видна была его курчавая голова.

- Ну что, Рома, ты уже проснулся? - спросил Саша сходу.

Однако, странно: голова у Ромы была не рыжая, а чёрная. Я прошёл поближе, повернулся и посмотрел на него в упор. На Роминой кровати, подперев голову рукой, на боку, поджав ноги, лежала и читала книгу изящная женщина в брюках - в точности копируя Ромину обычную позу. Она подняла глаза, широко и ехидно улыбаясь, явно довольная производимым эффектом, и сказала:

- Я Ромина мама.

Мы с Сашей лишились речи. Она была точной копией всех Роминых повадок, жестов, мимики, интонаций голоса - только лицо было небольшое и круглое.

Это уже было слишком для одного дня. Вошёл Рома, и мы с Сашей, не сговариваясь, тихо ушли: смотреть телевизор, шататься по общаге и т.д.

Ромина мама впоследствии стала в Израиле известной поэтессой – автором слов гимна города Ариэль.

Вернулись поздно вечером поврозь, когда Рома уже ушёл провожать свою маму в гостиницу. На том это тяжёлое воскресенье и закончилось.

Началась военка.

- А у нас полковник Корнев, - сказал Саша Руденчик, входя в комнату и, как всегда, широко и застенчиво улыбаясь.

- Да ты чё, правда? - с деланным сочувствием изумился Рома, ехидно подхихкивая Ёжику.

- Мужик - зверь. Сегодня делает переключку: "Студент Шманюк!" - "Я!" - "Почему вчера не были на занятиях?" - "Я, я, э..., а я пацифист". - "Студент Шманюк! Хоть ты и пид...ас, а военное дело изучать обязан".

Дружный хохот - награда анекдоту. Каждый хочет рассказать о своём подполковнике или полковнике. Мне сказать нечего - у нас майор.

Каждый день приносит новый анекдот о полковнике Корневе. «В открытом море нельзя без Корнева». Впоследствии выясняется, что большая часть из них - ещё времён русско-турецкой войны. Но это ничего - есть и случаи из жизни.

Идёт строевая подготовка в длинном холле второго этажа, где потолок подпирают колонны. Полковник Корнев командует: "Студент Шманюк!" - "Я!" - "Ко мне!" - "Есть!" (Студент подходит.) - "Студент Шманюк, от меня ... до следующего столба ... шагом - арш!"

Полковник на занятии: "Запомните: пушка стреляет по параболе!" - Шманюк тянет руку: "А если пушку на бок положить, то можно стрелять за угол?" - (Большая пауза.) "Студент Шманюк, по уставу ... пушку на бок - не положено!"

На другом занятии, полковник: "Вода кипит при 90 градусах!" - Студент Шманюк: "Извините, товарищ полковник, это прямой угол - 90 градусов, а вода кипит при 100 градусах". - (Пауза.) "Повторяю: вода кипит при 100 градусах, а прямой угол - при 90!"

Один раз мне повезло: наш майор заболел и заменил его полковник Корнев. Мы построились на улице. Перед строем стоял усталый человек с мягкими манерами. Не повышая голоса, он что-то объяснял, отдавал команды. Студенты напряжённо вслушивались и вглядывались, боясь пропустить: вот-вот грозный полковник выдаст свой очередной анекдот. Но, увы! Он вёл себя просто и интеллигентно. Даже отпустил нас раньше времени. Я был полностью очарован и, как школьник, горько сожалел, что у нас бессменно был наш сероватый майор.

Полковник Корнев умер рано. Слишком рано для хорошего человека.

Итак, мы сели разгребать "кучу". Пришла идея познакомить читателей с редакцией, и все начали рыться в Сашиных вырезках, ища подходящие для нас портреты.

Сашины вырезки как нельзя кстати подходили для дружеских шаржей и эпиграмм. Каждый взял себе по несколько картинок, смахивавших на членов редакции, чтобы написать под ними стихотворные строчки. Первым от руки Брогилевского "пострадал" бывший главный редактор:

Цветок растёт у дома моего,
Простой цветок!
Ничем он внешне не приметен.
Но нет мне жизни без него ...
Так и Евгений Баснецов:
Ты заведи его –
И нет газеты.

Вторым - я. Это был полный плагиат из учебника по украинской литературе:

Мосампилов! Ты наш батько,
Ты поэт-профессор.
Ты наш Пушкин, но как жалко,
Что нету Дантеса.

Любовь Шальная тоже написала на меня эпиграмму:

Одна чувиха пиво носом пила ...
Услышав то, запел со страшной силой
И наш поэт Евгений Мосампилов.

Конечно, все, читая "запел", понимали "запил".

В то время я не знал крылатой строки сибирского поэта: "Люблю, Обь, твою мать!" - а потому в эпиграмме на Обского-Соловья провёл аналогичный, но не столь удачный каламбур:

**Вдаль глядишь с тоской во взоре
И вздыхаешь тяжко:
"Где моря, леса и горы,
Где моя милашка?"**

**Если б снова в синь простора,
Где ей обским был -
Я летал бы скоро-скоро,
Если птичкой был!"**

Это было подражание Беранже. Гр. Манн скривил губы и скорбно посмотрел на меня:

- Да, Мосампилов. Вдаль гляжу с тоской во взоре ...

Мы с Брогилевским обменялись стихотворными любезностями. Вот это он написал на меня:

Т. Мосампилов! Вот те моя рука!

**Товарищ Мосампилов,
Прошу тебя, поверь:
Ведь ты же Мо-сампилов,
А не какой-то зверь.**

**Товарищ Мосампилов,
Прошу тебя понять:
Ведь ты же Мо-сампилов,
А не простая бл....**

**Отсюда делай вывод:
Смело шагай в веках.
Товарищ Мосампилов!
Вот те моя рука.**

А я - на него, предлагая объединиться в борьбе с критиканами:

**Ответ А.Брогилевскому на стих
"Т. Мосампилов! Вот те моя рука!"**

**Вино победы, лейся.
Вот те моя рука.
Товарищ Брогилевский,
Бьём Васю-сопляка!**

**Исус-создатель, смейся:
Грош - полцены стихам.
Товарищ Брогилевский,
Бьём Васю-сопляка!**

**Забьём его по кончик
В советский унитаз.
Таким путём покончим
С ним навсегда и раз!**

Пришёл Соловей и принёс "мудрые мысли". Он никому их не показал и сел вписывать на свободный лист. Это, оказалось, с десятков афоризмов типа "лучше быть богатым, но здоровым...". Читались они, естественно, со скептическим "х-м", но последняя мысль была апофеозом:

"Лучше говорить не думая, чем думать как Сабинин".

На этом месте все сокурсники прыскали со смеху, потому что знали, о ком и о чём именно идёт речь. Лёва Сабинин был шахматистом и всегда над чем-то думал. Эта привычка, видимо, выработалась в результате увлечения игрой: известно, чтобы хорошо играть в шахматы, надо думать не только при своём ходе, но и при ходе противника.

Он где-то вычитал мысль, что человек не может не думать, когда бодрствует. Эта мысль ему очень нравилась, потому что оправдывала в его глазах эту пагубную привычку. Да, многие могут спросить, что тут плохого, тем более пагубного: ходит и думает? Ну а если танцует с девушкой и думает? Или пьёт в компании и думает? Да мало ли есть ситуаций, когда лучше не думать!

Конечно, имея такую привычку, он запросто решал трудные задачи, и многие их у него списывали. Но вместо того, чтобы идти на зачёт по этим задачкам первым, он думал уже о другом и приходил последним. Ему ставили тройку и на возмущённый вопрос "за что!?" ехидно отвечали: "знаем-знаем, за что: вы всё списали!"

Опасно было прерывать ход его мыслей неожиданным вопросом. Тогда он отвечал чистой откровенной правдой. Однажды в коридоре общежития ему навстречу шла одна вся из себя молодая особа. Лёва этой особе немного нравился, и она не прочь была бы завести более тесные отношения. Момент ей показался удачным. Она раскинула руки, как бы желая Лёву обнять, и весело продекламировала: "А он мятежный ищет бури?.." Ошарашенный Лёва заметил её только в последний момент и автоматически брякнул, успев, однако, изобразить вежливую улыбку: "Нет, я иду в туалет".

Особа охнула, потом нервно засмеялась, как бы над удачной шуткой, но момент был безвозвратно утрачен.

Он был склонен к неожиданным решениям, которые были мало кому понятны. Однажды в команде шахматистов он ехал на поезде. Билеты купили в разные вагоны: мальчики ехали в голове, а девочки в хвосте поезда. С приятелем они пошли поиграть к девочкам в карты и засиделись допоздна. Возвращаясь, совершенно неожиданно уткнулись в вагон-ресторан, который уже был заперт на ночь. Дело было зимой, а они были в одних пиджачках, и до ближайшей станции ещё было часа два. Вдруг поезд тормозит на каком-то глухом полустанке. Приятели, ещё весёлые после приятной встречи, прыгнули и побежали к своему вагону мимо ресторана. Все двери вагонов, конечно, закрыты: кто ж их открывает на полустанке. Тут поезд трогается, они в панике догоняют свой вагон и прыгают на ближнюю подножку. Дёргают ручку - дверь не открывается: то ли проводник её успел запереть на ключ, то ли это просто наглухо закрытый тамбур. Откуда им знать?

- Ну что, висим? - весело спрашивает Лёва.

- Висим, - смиренно отвечает приятель. И тут Лёва, не говоря ни слова, прыгивает и во весь дух мчится вперёд к другому концу вагона, цепляется за поручень, заползает на подножку, толкает дверь - и она открывается!

Только сейчас Лёва начинает понимать ужас происходящего. Он влезает в вагон, стуча зубами, рассказывает тренеру, и забивается в угол купе.

Тренер долго материт его приятеля, потом идёт к проводнику. Проводник безуспешно пытается оттаять замёрзшую дверь тамбура кипятком, потом дёргает стоп-кран. Входит вконец закоченевший приятель и кричит на Лёву:

- Ты почему убежал!? Я там чуть не сорвался, руки совсем замёрзли, какие-то столбы рядом проносятся. Чуть не сбило. Пришлось, скрючившись, на корточках сидеть. Предатель!

- А я подумал, что нам вдвоём тесно будет на одной подножке.

Трудно поверить, что это была не шутка, а чистая правда.

С тех пор они не приятели, хотя, если подумать, Лёвин "предательский" побег, возможно, спас им обоим жизнь. А если б Лёва стал делиться с приятелем своими намерениями? Кто знает: либо не успел добежать, либо приятель за ним бы увязался и не добежал, а могла ещё и дверь оказаться запертой.

О чём же он думал? - А о чём думал анекдотический Петенька, глядя на портрет вождя? - А о чём все мы думаем? Главное, практической пользы от этого было никакой. Пока он думал "о бл...ях" или игре, информация о реальных людях и реальных человеческих отношениях к нему не доходила.

Жизнь за это мстила, и очень больно.

Я учился с ним в одной группе. Дипломную работу он делал у шефа, который уже намылился сбежать в свою родную Москву, но об этом никто не знал. Шеф поступил просто: взял свою статью из солидного журнала и по ней поставил Лёве математически более сложную задачу, которую не знал сам, как решать. Частный же более лёгкий случай Лёвиной задачи дал другому студенту - зятю замдиректора. И занялся личными проблемами. Лёва стал искать метод решения, перерыл кучу литературы и нашел-таки решение в функциях, о которых шеф и не слыхивал. Он придумал ещё и способ для получения численного решения, построил графики и сравнил результаты со статьёй шефа. За три месяца работа была вчерне сделана, и сейчас бы вступить шефу, отшлифовать, помочь оформить, но этот ублюдок уже потерял интерес: он то прикидывался больным, то уезжал куда-то. Лишь как-то заметил, что с его статьёй сравнивать не надо. На Лёвин наивный вопрос "почему" - отмолчался.

У зятя замдиректора всё было на нуле, решить свою задачу он не мог, но не унывал, надеясь на тестя. Лёва увидел в нём товарища по несчастью, рассказал ему своё решение и как из него получить нужный частный случай. Он надеялся, что тот в свою очередь по дружбе поможет ему с плакатами и докладом. Но зять, приняв подарок судьбы, уже не испытывал потребности общаться с Лёвой и жил себе на радость в коттедже у тестя.

В день защиты Лёва заболел гриппом. Что сделал бы нормальный человек? Рассказал бы шефу, попросил перенести и т.п. Лёва на защиту пришел с температурой и головной болью, никому ничего не сказав. Он знал, что его доклад первый и думал, что голова ещё будет свежей. Но тут к нему подбегает староста и передаёт просьбу шефа, который сидит тут же в трёх метрах через проход: поставить первым зятю замдиректора, а Лёву перенести на после обеда. Что делает нормальный человек? Подходит к шефу и говорит о гриппе, что еле стоит на ногах и т.д. Лёва думает: ладно, отдохну пока, потом поем - сил прибавится.

Идти до общежития - далеко, он сидит в душном зале, ждёт перерыва на обед, его бросает то в жар, то в холод. И вдруг опять к нему подбегает староста и говорит, что шеф уже не может после обеда и хочет, чтобы Лёва докладывал до обеда после всех! Это уже удар в спину. Лёва это сразу понял, но ему уже так плохо и противно, что он только мысленно кладёт на всех член.

Он вынимает клочок бумаги, на который на всякий случай записал план доклада, чтобы с больной головой не перепутать, о чём говорить, и, шатаясь от головокружения, выходит к доске. Это надо было видеть. В зале, как всегда на последнем докладе, уже стоит шум. Лёва говорит еле слышным голосом и не может его напяречь громче. Он настолько уже потерял свою обычную уверенность, что

постоянно смотрит в злополучную бумажку, хотя не в состоянии ничего в ней прочесть. Наконец, этот кошмарный доклад кончается.

И тут какой-то научный заср...ц из соседнего института, который сидит рядом с шефом, берёт у него Лёвину дипломную работу, открывает на первой странице и при...ывается к первой фразе введения. Этот заср...ц - экспериментатор, и в Лёвиной теоретической работе эта фраза - единственное, что он способен понять. Он задаёт вопрос, на который никто в зале не знает ответа, а возможно, и сам заср...ц тоже. Шеф сидит, опустив глаза и набрав воды в рот. Что делает нормальный человек? Отвечает: "эта проблема в данной работе не рассматривается", - и всё. Лёва говорит в сущности тоже самое, но другими словами: "Для решения задачи мне это не нужно было". - "Как не нужно! - возмущается заср...ц такой неслыханной дерзости, - нет, вы на вопрос отвечайте". Шеф с угодливой улыбочкой склоняется к заср...цу, и оба смеются, довольные собой. Лёва пытается что-то ответить, но видя, что шеф с заср...цем заодно, сдаётся и говорит "не знаю".

Вы думаете, что заср...ец после этого сообщает всем правильный ответ? Тогда бы он не был заср...цем. Он нагло смеётся, а шеф, заискивая перед ним, шепчет: "я не знаю, что с ним такое". В таких случаях нормальный шеф вообще-то обязан встать и сказать что-то в пользу студента, но этого не было. Лёве единственному вкатили трояк, а зять замдиректора получил отлично.

(Заср...ец был заср...цем с детства. Он умел немного пикировать на баяне и под эту дудочку в войну неплохо устроился сыном полка. А после войны как фронтовик пролез в науку.)

Лёва был распределён в тот же институт, где делал диплом. Когда первого августа он явился на своё первое место работы, его шеф уже уволился и уехал. Лёву отправили в колхоз, и вернулся оттуда он только в ноябре, когда стал падать снег. Вернувшись, он узнал, что ни в какую лабораторию его ещё не определили. Тогда он пошёл на приём к заведующему тем отделом, где работал его бывший шеф.

Бледный коротышка с надменным и злобным лицом сидел в отдельном кабинете за огромным столом на приподнятом массивном полукресле лицом к двери и спиной к окну. Он равнодушно послушал Лёву до первой паузы и произнёс лишь одну фразу, но чётко и с расстановкой: "Нам такие не нужны".

Помогли ребята с общежития. Они рассказали своему шефу (тому самому замдиректору), он взял Лёву к себе и дал срочную задачу. Лёва через неделю принёс полное решение, но шеф уехал в командировку, и Лёва оставил свои листки у него на столе. Это было в среду, а в субботу какой-то х... рано утром разбудил Лёву: "Скорее езжай в институт, там директор собирает всех стажёров на комиссию".

- Но сегодня суббота!

- Ну и что? Он всегда дирекцию по субботам собирает.

Директор академик Струминский был редкий самодур. Маленький, худой и злобный, с острыми чертами лица, резкой нервной походкой и визгливым голосом, он наводил ужас на весь институт своими разносами и разборками.

Лёва приехал голодный, невыспавшийся и без своих записей, оставленных в кабинете всё ещё отсутствующего шефа. Он стал по памяти выписывать на доске длинные преобразования, но это быстро всем надоело. "Ну хорошо, - прервали его, - а физически что ваша задача означает?" - Лёва смутился и ответил честно: "Не знаю, я совсем недавно работаю". - "Ну а где же вы работали раньше?" - "Я работал в колхозе". Это вызвало улыбки в зале. - "Ну а чем вы ещё занимаетесь?" - ласково спросил академик. Лёва не понял, что это вопрос сугубо научный, и, польщённый таким вниманием к себе, автоматически ляпнул: "Я играю в шахматы". Зал покотился со смеху, и Лёву выгнали из института.

"Слушай, вчера шеф говорил, что ты ему серьёзную задачку решил. Спрашивал, почему ты ушел от нас. Ты бы сходил к нему, поговорил", - как-то подошёл к нему приятель по общежитию. - "А ну вас всех на х...!" - ответил Лёва.

Он был из породы тех немногих, но легко узнаваемых людей, которых просто и приятно обмануть, взять в долг последние деньги и не вернуть, пообещать и сделать наоборот, использовать на халяву, при случае подставить и, поимев за их счёт удовольствие, посмеяться над их наивностью.

Он вернулся в науку через два года и начал с нуля - программистом. К тому времени самолюбивый Лёва, охраняя своё я, научился безысходно посылать на х... всех, как матёрый неудачник. Многие из тех, кто сам бы хотел иногда послать, но, как Аркаша Сюсюлетов, в силу воспитания не мог, имели к нему симпатию. Женщинам, по причине отсутствия агрегата, это свойство посылать на святое для них место претило, и они Лёву не жаловали. Тем не менее, он был трижды женат и имел от каждой детей. В отличие от жён его тётки, юность которых пришлась на паскудные первые послевоенные годы, сразу понимали, что это птица невысокого полёта. Они сами мечтали не о таком, но на их долю либо не хватило, либо перепали самые крохи. Они прилагали массу усилий, чтобы раскрыть дочерям глаза, и не без успеха. Лёва начал бороться со своим я, и послал на х... сначала шахматы, потом науку, а в конце концов и себя: обнаружив рак, он не стал ни лечить его, ни оперировать.

Уж если родился му...ком, то это до гроба.

На Руси тоже редко, как и фамилия Сабинин, встречаются её варианты и искажения: Сабянин, Сабинов, Собинов. Откуда пошли эти редкие фамилии, никто толком не знает, но есть в истории немецкая фамилия фон Сабинин.

В те же годы преподавал в универе Владимир Васильевич Сабинин, читал матанализ на мехмате. Они не были даже знакомы. Это был совсем другой человек, особенно внешне, но афоризм Соловья точно подходил и к нему тоже. У него было широкое лицо со впалым, как у сифилитика, носом, которое украшали выцветшие брови, насмешливо прищуренные бледные глаза и цинично сжатые губы. Дребезжащий тенорок и прокуренные редкие зубы логично дополняли облик. Голова сидела на тоненькой шее, которая едва высывалась из плотного короткого торса. Жиденькие ножки были всегда обтянуты подсевшими дешёвыми джинсами. Тем не менее, за большой головой скрывался неплохой ум, позволивший ему впоследствии стать учёным с мировым именем. А тогда за него прочно держалась слава алкаша, похабника и бабника. Последнее никак не вязалось с его видом, но женщины, как известно, смотрят немного глубже.

Он неплохо и увлечённо играл в шахматы, однако, был автором афоризма "шахматы - это умственный онанизм". Когда пару лет спустя он уехал в Москву, то пустил о себе шуточку, что поехал работать в Институт имени Патриса Лумумбы, где, как известно, учится много негритянок, которых нам как раз и не хватает. Очень многие спустя десятилетия верили, что это действительно так.

На самом деле это была не шуточка. Поработав в Институте Лумумбы, он уехал в Африку, а потом в Мексику, где создал свою школу геометров. Там он и умер, незадолго до смерти учредив именную стипендию студентам мехмата НГУ.

Это был серьёзный и интеллигентный человек. Его слава циника и развратника держалась, видимо, лишь на одном известном факте, который, однако, глубоко и надолго шокировал местную интеллигенцию: он соблазнил свою студентку. Казалось бы, что тут особенного, мало ли кто соблазняет своих студенток? Но эта студентка была дочерью известного академика. Ну и что? И на дочку академика бывает проруха. Тем более что у академика было шесть дочерей, не считая жён, а в таком большом женском коллективе маловероятно, чтобы кого-то не соблазнили. Однако он не просто соблазнил, а женился и родил сына. Ну и что же

тут такого, - как сказал бы трёхлетний Вова? Если девушка хорошая, то почему бы на ней не жениться, если она не против?

Очевидец непорочного зачатия.
(Прометасс №2)

Вот тут-то шокированная интеллигенция поджимает губы и замолкает. Дескать, мы знаем, пора и вам знать. Или многозначительно хихикает: знаем мол, знаем.

Остаётся лишь догадываться. Как говорит армянское радио, "мы не знаем, но мы догадываемся". И догадываемся мы на основании двух фактов. Во-первых, почтенный академик был московский еврей. А во-вторых, со времён, описанных ещё М.Ю.Лермонтовым, и до наших дней у еврейских девушек, вознамерившихся выйти замуж за нееврея, всегда были серьёзные семейные и общинные проблемы.

Сколько пылких библейских красавиц ходит по Российским городам с грустными, но надменными лицами, глядя в пустоту в ответ на страстные взгляды русских парней. Сколько этих красавиц разбивает сердца тем бедолагам, что осмеливаются узнать их ближе. Кто-то ждал своих единокровных суженных до 30 и более лет. А кто-то волком выл и лез на стену, сходя с ума от приближения одинокой старости.

Зато как счастливы еврейские девушки, выходящие замуж за своего! Какими отличными еврейскими жёнами они становятся.

Мне-то ясно, что Васильич, русский му...к, не знающий себе цены, влюбился в свою студентку. А кто не влюбится в томные тёмные глаза, пышные волнистые волосы, стройную, с детства хорошо кормленную и хорошо одетую фигурку, живой язык и завораживающие интонации? В ту неповторимую пору, когда это божественное создание начинает цвести, пахнуть и энергично вертеть хвостом.

С неистребимым русским гонором полез он в своё счастье. Но могло ли это понравиться московскому папе-академику и московской маме-академике?

Не зря молва советует: "не женись на любовнице", - а ещё в русских семьях отпугивают сыновей от евреек: "она же грязная!"

Лучше делать, не думая, чем думать, как Сабинин. Два года он ждал, что его простят и будут относиться, как к своему, а потом не выдержал, бросил семью и уехал, оставив о себе удивительную и долгую память.

Само звучание фамилий с корнем Сабин обладает какой-то необычной и таинственной притягательностью. По-испански Сабино значит мудрец, знаток. Что это за Сабинские горы на Апеннинском полуострове, где жили легендарные прекрасные сабинянки, похищенные какими-то семью братьями, но полюбившие своих похитителей? А история из фильма "Даки" о римском легионере Сабине? Он изнасиловал дочь дакского вождя и тут же влюбился в неё прямо на месте преступления. А она в него. Когда его ослепили даки, девушка стала его женой, а он стал учить детей в школе и был хорошим учителем до конца своих дней.

Известно, что среди Сабининых есть и ненастоящие - это родственники академика А.Д.Сабинина, настоящей фамилией которого должна быть Кузнецов. Это тоже удивительная история.

Академик Сабинин родился ещё до революции. В первом (бездетном) браке его мать была замужем за земским врачом Сабининым. Об этом известном враче есть статья в энциклопедии Брокгауза и Эфрона. Она была очень красивая и умная женщина, и почему муж её довольно скоро бросил и уехал в глухомань - это загадка природы, которая из семьи не выносится. Скорее всего, сильно задетое самолюбие, которого у Сабининых хоть отбавляй.

Хорошая женщина одна не останется: она вскоре выходит замуж за некоего Кузнецова и рождает ему четверых детей. Но все их дети получают фамилию Сабинин, потому что по тогдашним законам первый брак расторгнуть было нельзя.

Остаётся вопрос: почему после революции, когда это уже можно было сделать легко, дети не поменяли свою фамилию на Кузнецов? Почему внуки собирают фамильную родословную чуждых им Сабининых? Что это - магия фамилии Сабинин, лестность причастности к энциклопедии Брокгауза и Эфрона или магия личности того земского врача, сгинувшего в неизвестности, но оставившего добрый след в памяти женщины?

Интересно, что потомки академика Сабинина считают, что академик прославил фамилию Сабинин. Оставим это на их совести. Настоящим Сабининым такая мысль не могла бы прийти в голову. Они и без того просто гордятся своей фамилией. Они знают, что их уходящая вглубь веков фамилия самодостаточна и без академической или иной славы, и люди, которые её носят по праву - тоже самодостаточны. Эти люди не клюют на титулы и почёт, потому что думают, как тот римский Сабин, как земский врач Сабинин, как наш Лёва Сабинин, - не так, как все, как Кузнецовы, Ковалёвы, Смиты, - и этого им уже хватает для самоуважения.

На самом деле прославил эту фамилию Богдан Сабинин, зять Ивана Сусанина. В начале 17-го века. Об их подвиге ещё написана опера. Когда Сусанин повёл поляков в болото, Богдан побежал предупредить русское войско. Оно прибыло на место и разгромило отряд поляков, увязших в болоте.

Я, пожалуй, мог бы вставить в эти истории другую редкую фамилию или рассказать другие истории о людях других редких фамилий - они были бы похожи наличием необъяснимых странностей, которых не бывает в жизни людей с обычными и простыми фамилиями. Как ни странно.

Я обнаружил среди Сашиных вырезок любопытные заголовки: "Любовь и девять метров", "Сквозь призму", "Какое у вас хобби?", "Слабый пол". Сексуальные намёки были налицо. Соловей с Сюсюлетовым уловили идею,

вытащили ещё несколько подобных вырезок и, прихватив Сашку Антонцева (которого иногда за глаза называли Гандонцевым), ушли к себе в комнату. Спустя минуту оттуда из-за стенки стал доноситься их дружный гомерический хохот. Рома сбегал к ним узнать, что происходит. Вернувшись смущённый, покрутил пальцем у виска: "Маразматика!" - и добавил: "Нет, Саша, таким нельзя давать писать в Прометасс".

Через час они вернулись, покрасневшие и возбуждённые, и потребовали у Саши журнал, чтобы вписывать.

- Вы что там хотите вписывать? - возмутился Саша, - Я тебя, Антонцев, знаю: ты всякую глупость впишешь, потом за тебя красней.

- Нет, Саша, тут всё в порядке, - заверил Соловей.

Я тоже поддержал законность требований, и вот что у них получилось.

"Откуда виден космос"

В лесу у села Замудохино Засранского района Саранской области есть поляна, откуда очень хорошо виден космос.

"Удачливый рыбак"

(Это намёк на задачник Демидовича по матанализу.

Под заголовком была помещена фотография, на которой мужик, расставив руки, стоял между двух огромных рыб, висевших под потолком.)

Житель села Задырино Х.У.Димудович, удочкой для подлёдного лова выловил двух акул. На вопрос корреспондента ответил: "Пьян был без меры, и как выловил, не помню".

Учёные продолжают изучать миграцию акул из Атлантического океана в речку Вонючку.

"Чьи очки?"

В селе Морозово поймали волка ... в очках. Умное, но стареющее животное использовало очки, подобранные на свиноферме.

"Слабый пол"

- Какой пол самый слабый?
- В седьмом общежитии! - дружно ответила бригада строителей-отделочников Сибкакадемстроя.

(В седьмом общежитии размещался гумфак, где девушек было намного больше, чем парней.)

"Любовь и 9 метров"

- Ни того, ни другого! - отпирался подсудимый.

"Сквозь призму"

- Оригинально! - заметил профессор Руденчик, - Побегу Бузе расскажу.

"Какое у вас хобби?"

- Какое у вас хобби? - как-то раз задали мы вопрос профессору Руденчику.
- 15 сантиметров, - скромно ответил маститый учёный и покраснел.

"Как повысить давление?"

- Упритесь ногами в потолок, - посоветовал профессор Руденчик.

"Как поживаете?"

Такой вопрос наш корреспондент задал профессору Руденчику.

- Раз в неделю, то есть по субботам, - ответил учёный, - Но зато с большим удовольствием!

Так родились анекдоты про профессора Руденчика. Вместе с анекдотами о полковнике Корневе они украсили журнал.

Шура Руденчик был внушительных размеров невозмутимый и добродушный всегда улыбающийся малый в толстых близоруких очках. Его всегда подкалывали, но смутить его было трудно. Он носил толстый свитер и штаны-клёши из толстого светлого материала, стоявшие колом, - предмет моей лёгкой зависти.

Однажды случилось чудо. Он подошёл ко мне и сказал:

- Слушай, Евгений, дай костюм поносить. Мне надо экзамен по военке сдавать, а полковнику Корневу клёши не нравятся. У всех брюки короткие, а твои могут подойти. А я тебе свои дам. На время.

Я открыл рот и согласился. Мои штаны оказались ему коротковаты и тесноваты, но он был доволен. Я ходил в его удобных модных штанах и ловил взгляды девушек. Но ничего особенного не происходило. Только одна холодно спросила: "Что, с Руденчика снял?"

Через неделю после экзамена Руденчик ещё не спешил с обратным обменом, и мне пришлось ему напомнить.

- Ну подожди немного, сейчас мне некогда, - ответил он.

- Чего тут ждать? Взяли и переодели.

Прошло ещё два дня, когда я наконец влез обратно в свои старомодные зауженные книзу штаны с оттопыренными коленками.

Наиболее талантливый из нашей компании Руденчик первый защитил докторскую, первый получил полногабаритную квартиру и первый стал ездить за границу. Его успехам немало способствовала его жена. Таким людям обычно везёт на жён. Женщины легко узнают, когда им попадается петух, несущий золотые яйца. И делают всё возможное, чтобы его с выгодой использовать. Сейчас он профессор в одном из крупнейших университетов США.

Страничка для девчат перерастала в раздел. Нежные чувства девушек отходили на второй план, когда мужское самолюбие надо было удовлетворить иронией над нежным полом.

Вас. Обский-Соловей принёс для девчат любовную лирику:

Посиди со мной у костра,
Пока небо не станет серое.
Ну не будь так упрямо зла –
Для тебя я, что хочешь, сделаю.

Хочешь – лес запалю костром,
Хочешь – в небе поймаю птицу,
Напою дорогим вином,
Только ты перестань сердиться.

Что ж, не хочешь – воля твоя.
Только вряд ли ты будешь рада,
Если я уйду от тебя.
Мне такую, как ты – не надо.

И лирическую автопародию:

Кризис жанра (автопародия)

Ты мои стихи не поймёшь,
Ведь, талант и терпение нужны,
Чтобы мудрой мысли зерно
В океане воды выживать.

Я хотел о любви писать,
Чтоб мальчишки, девчонки наши
Захотели любовь познать,
А потом уже – верить в сказки.

Но поблекли мои слова,
А мечта их покинула вовсе.
Мне осталось лишь по утрам
Соловьёв передразнивать обских.

Творческая фантазия была через край. Журнал получался. Как тут было не возгордиться, не полюбоваться собой? Э-р По выразил общее настроение:

“Прометасс”, “Прометасс”,
ты моя религия!

Был слеп Гомер,
И глух Бетховен,
И Демосфен косноязык.
Лишь “Прометасс”, -
Наш славный воин,
По-настоящему велик!

Журнал номер 2 принёс нам бешеный успех и славу. Оба номера гуляли по общежитию, но Саша строго следил, чтобы они не затерялись. Окрылённые успехом мы стали думать о номере 3.

Свидетельница непорочного зачатия.

Глава 4. «СОМНИТЕЛЬНЫЕ ЖЕНЩИНЫ В ГРОБУ».

- Почему "анаНАС" вместе,
а "МЫ её" — отдельно?
(Армянское радио)

- Я её сделал! - брызгая слюной, дрожа и даже повизгивая от радости, подскочил ко мне маленький суетливый Павловский, едва я вошёл в комнату.

- Кого сделал? - сходу не понял я.

- Маленькую Валю! - и он недвусмысленно изобразил это, воткнув указательный палец правой руки в кольцо, сомкнутое из пальцев левой, - Всё получилось, как ты советовал! У неё это в первый раз!

- Какую Валю? - спина у меня покрылась мурашками, - Эту шустрюю, которая к нам бегают?

- Да нет, её подругу - которая ещё маленькая.

- Как?! - искренне изумился я, - Она так ... смотрит свысока и не говорит ни с кем. К такой и подъехать-то непонятно как.

Это действительно была очень красивая и совсем ещё юная девушка, немного похожая на детскую куклу, с гладкой кожей, большим круглым лбом, круглыми светлыми глазами, длинными тонкими ножками и ещё неразвитыми бёдрами. Она была очень привлекательна и прекрасно знала про это своё превосходство над подругами, потому что всегда двигалась и говорила нарочито замедленно и улыбалась немного высокомерной улыбкой. Представить её с прокуренным неряшливым Павловским было невозможно. Хотя, неадекватное высокомерие выдавало в ней возможную дуру.

- Да главное - это говорить, не останавливаясь, неважно о чём. Они от разговоров все дуреют. Я её фотокарточки печатать пригласил, как ты советовал, чтобы интимную обстановку создать, а потом слово за слово рассказал ей, в какие дни нельзя забеременеть. Помнишь, ты нам говорил? Ну, она и согласилась попробовать.

- Да ничего я тебе не советовал. Это я рассказывал, что в книгах пишут.

- Да ты что, думаешь, что я сам не знаю? Что - она первая? Да из-за меня одна даже утопилась. Я её уговорил вот так же, а она пошла топиться. - Павловский был так доволен собой, что я даже опешил.

- Ну и чем закончилось?

Но нам не дали договорить. Вошёл Саша.

- Ну, как фотографии? Сделали?

Павловский так и взвился от радости:

- Ещё как сделали!

Саша не понял и пошёл смотреть снимки в кювете с водой.

- Да, что-то не густо, - резюмировал он. - Ну да ладно, сделаем ещё. А ты как, Мосампилов, этим не интересуешься? Тут и для тебя кое-что есть.

Мы с Павловским так никогда и не вернулись к прерванному разговору. Действительно, жизнь была богаче и интереснее, чем первые сексуальные опыты маленьких красавиц.

Семестр был каким-то сумбурным. По Универу ходила запрещённая литература. Точнее, официального запрета не было, но её передавали лишь в надёжные руки и просили никому не давать. Это были либо плохие фотографии, либо машинописные копии, реже старые книги, издававшиеся до войны. Тематика

была интересная: хиромантия, Фрейд, Камасутра, эротические рассказы, джиуджитсу, Авторханов. Вчитывались, как в мат-анализ на первом курсе.

Лишь много лет спустя, после антиалкогольной кампании и общества книголюбов, я, наконец, понял, что всё это делалось с подачи КГБ. Истинный смысл этих акций не был понятен, видимо, даже авторам. Но мы, как дети, радовались возможности откусить немного от запретного лакомого пирога мировой культуры.

Я делал конспекты из наиболее интересных книг. Это были Фрейд и хиромантия. Гадание по руке очень пригодилось впоследствии. Мне удалось соблазнить двух девушек с его помощью. Естественно, поврозь. Когда уже говорить было не о чем, водить пальцем по их линиям жизни действовало завораживающе и возбуждающе и стремительно вело к полной близости. Фрейд с его психоанализом и толкованием сновидений оставил глубочайший след в моём мировоззрении и мироощущении. Я стал видеть всё сквозь призму психоанализа.

Однажды я смотрел в окно на улицу и заметил потрясающую закономерность. Если шли две подружки, то, если одна из них была в зелёном пальто, то другая - в коричневом, если одна в синем, то другая - в красном, если одна в чёрном, то другая - в светлом. Меня осенило: синий, зелёный и чёрный - это мужские цвета, а красный, коричневый и белый - женские. Подружки потому и стали подружками, что у одной преобладали женские качества, а у другой - мужские, что и отражалось в цвете одежды. Эти преобладающие качества (в темпераменте, характере) и притягивали их друг к другу, как полюса у магнита.

Я стал внимательнее приглядываться к женской одежде. Женщины более поддаются естественным неосознанным влечениям, что и сказывается на том, что они носят. Они стараются выглядеть так, как то, что их более всего привлекает и производит на них наиболее сильное впечатление.

О смех и ужас! Зимний гарнитур, - пальто и шапочка, - на этих непосредственных созданиях явно напоминал своим обликом ... мужской половой член. И именно в том виде, о каком могли мечтать эти девушки, какой был уже в их представлении или встречался на опыте. Еврейки носили исключительно шапки, гладкие сверху и с околышем понизу - точная копия мужской за...пы после обрезания. Девушки, которые предпочитали красные пальто, и поэтому предположительно обладали повышенной женской сексуальной активностью, носили шапки с большим помпоном, напоминавшим бурное и обильное извержение спермы. Девушки в синих пальто, наоборот, носили шапочки без помпона, как будто их выделение спермы не волновало.

Это и понятно: они были ориентированы на контакт с женщинами, у которых выделяется прозрачная жидкость, которая обмазывает всё, - вот откуда и голубой цвет пальто и шапочки. Но зато у них эти пальто были не с круглым воротником, застёгивающимся под горло и ещё более подчёркивающим сходство с членом, а с отворотами, как у мужского пиджака, украшенными мехом. Вид этих отворотов вчистую напоминал женские половые губы, поросшие волосиками, с торчащей между ними гладкой головкой - клитором, а может быть и мужским членом.

Я и позже всегда замечал, что женская одежда и причёска напоминают воделенный мужской половой член. Негритянки в Америке носят на затылке такой фонтан волос, что поневоле позавидуешь их женской половой удаче. Вся их гладко прилизанная голова с этим фонтаном на затылке как две капли воды похожа на мужскую за...пу, из которой сперма бьёт, как из брандспойта.

У мужчин наоборот: кто получает больше удовольствия от женщин, носят пальто и пиджаки с большим вырезом, украшенным ярким шарфом или галстуком. Кто же менее половоактивен, предпочитает серый свитер под горло.

Однако в эти мои наблюдения и очевидные выводы никто почему-то не верил. "Ну, ты, Мосампилов, того", - говорил Рома и крутил пальцем у виска. - "Да ты

Рома встань с кровати и посмотри в окно. Сам увидишь!" Но Рома только смеялся в ответ.

Это вопиющее отсутствие фантазии у людей напоминает мне анекдот про женскую грудь, который любил рассказывать Аркадий Сюсюлетов.

Приходит к врачу пациент, заикается:

- Доктор, я стесняюсь девушек, а мне очень хочется с ними поближе познакомиться.

- Да вы раскрепостите фантазию, будьте проще, думайте свободно, раскованно и говорите, о чём думаете.

- Как это, доктор?

- Ну вот, например, видите за окном гору? Что она вам напоминает?

- Что, доктор?

- Ну, как же! Женскую грудь.

- А! Понял, спасибо.

- Заходите через две недели, расскажете.

Через две недели дверь распахивается, вбегает тот же пациент:

- Доктор, спасибо! Ваш метод меня вылечил! У меня сейчас две любовницы, я просто счастлив.

- Какой метод, какие любовницы? Ничего не понимаю.

- Доктор, вы ещё спросили, что мне напоминает гора за окном!

- И что же она вам напоминает?

- Женскую грудь!

- Интересно-интересно. Ну а занавеска на этом окне?

- Доктор! Женскую грудь, на которую надета комбинация.

- Оригинально. Ну, а вот, например, э-э, ходики на стене?

- Конечно, женскую грудь! Посмотрите на маятник: чмок налево, чмок направо, чмок левую, чмок правую ...

Толкование сновидений по Фрейдю также встречало тупое непонимание и только отпугивало девушек. Однако я заметил, что многие лирические стихотворения и песни Советских поэтов содержали поэтические образы, вполне прозрачно толкуемые по Фрейдю. Если б эти образы были элементами сновидений, то они означали скрытое желание полового акта.

Ходили не только эротические рассказы, но и серьёзная медицинская литература по половым проблемам, часто на иностранных языках. Я охотно делился наиболее ценной информацией, почерпнутой из этих научных источников. И Павловский был первым, кто успешно применил эти знания на практике. Конечно, он, как практичный человек, не всё рассказал маленькой Вале. Нельзя же огорчать пустяками девушку, которая хочет познать новые столь романтические ощущения.

Павловский ушёл в прикладную науку, а оттуда - в предприниматели.

Появились лекторы общества "Знание", которые читали лекции не о жизни на Марсе, а о жизни мужчины с женщинами, или наоборот, женщины с мужчинами, если лекция читалась только для женщин. КГБ готовило кадры для будущей сексуальной революции. Подрастающие номенклатурные сынки требовали внебрачных и добрачных отношений, бесплатных секретарш и платных проституток, - всё, как у людей. Потом пойдут льготы за гос. счёт для отслуживших своё матерей-одиночек. А затем потребуются большие деньги для более изысканных утех и полное обнищание оставшегося населения.

Но это будет ещё не скоро. А пока доктор Центов читает лекции по сексологии в кафе-клубе "Под интегралом".

Первая лекция - для женщин. Мы ходим и выспрашиваем друг у друга, не просочилась ли информация с этой лекции. Наконец, удача. Надежда хладнокровно говорит Аркаше: "Ничего интересного, мы всё это и сами знали. Под конец он дал нам свой телефон, рабочий и домашний, чтобы звонили". Потрясённые услышанным, Сюсюлетов с Соловьём и Антонцевым пишут отчёт с лекции Центова для дам в третий номер "Прометасса".

Третий номер получился больше второго, богаче иллюстрирован, но не такой интересный. Для его обложки Брогилевский наконец-то использовал мою идею: лицо симпатичной блондинки, волосы которой подстрижены и причёсаны так, что образуют вокруг лица стульчак от унитаза. Ёжик с Ромой сморщились: "Фу, Саша!" Но Саша был доволен.

Авторов и тем стало больше. Появились репортажи, анекдоты, мудрые мысли, афоризмы.

Витя Бахис принёс в страничку для девчат, во-первых, пародию на Анастасию Самарскую:

Пародия.

“И коса у меня - русая,
И сама я - русская”.
(С.Т. “Из непечатанного”)

Костюмчик и душа у mine - серые,
С расклёшиной - мои штаны.
Живу в Одессе я, иль на Венере,
А сам - ханты-манси.

А во-вторых, переделку Багрицкого. Их совместный шедевр выглядел так:

О себе.

Я - простой рабочий от станка,
А она - студентка на гумфаке.
Я – рабочий, смена - три рубля,
А у ней - все ноготочки в лаке.

Встретились мы в городском саду,
И, кривить душою не умея,
Я сказал, что я её люблю,
И поцеловал, чуть-чуть робея.

Девушки седьмого общежитья,
Я скажу вам, правды не тая:
Я хороший парень - Бахис Витя,
Хоть и не читал Хемингуя!

Соловей принёс эпиграмму на
Ц.Ц.Цыдыдымункуйочирелендышеременаева:

Я ЦЦЦ, я член Клорида!
А Брогилевский просто гнида.
А на Васюсю Соловья
Не стану время тратить зря.

Я написал для журнала "Поэму о СУ-2".

В то время наш ненормальный военный лётчик перелетел на сверхсекретном истребителе СУ-2 с Сахалина в Японию и попросил убежища у американцев. Глупость этой акции была налицо. Парень был не жилец. С тех пор его никто не вспоминал. Всё это, и его стремление сбежать в иную жизнь, наводило на грустные мысли. Эти мысли почему-то слились с воспоминанием, что в самом центре моего родного города прошлым летом неожиданно снесли грязный общественный туалет, тем самым доставив мне массу неприятных минут, когда я на него рассчитывал.

И вот что получилось.

"Поэма о СУ-2"

Он не был ни СС, и ни СР,
А просто - гражданин СССР.
И рад он был, и горд, что с...ыт и се...т
В общественный клозет в СССРе.
Но этого не знали в КГБ,
А он не состоял в ВКПБ.

Но вот нашёлся некий индивид,
Сказал, что туалеты портят вид,
Что с...ать ему на тех, кто с...ыт и се...т
В общественный клозет в СССРе.
И индивида знали в КГБ,
И этот состоял в ВКПБ.

Он не был ни СС, и ни СР.
Он с...ать хотел, но не на ССР.
Он сел в СУ-2, он всё хранил в себе.
Он жить хотел наперекор судьбе. -
Но этого не знали в КГБ,
А он не состоял в ВКПБ ...

**Мораль сей басни будет такова:
Не надо жить наперекор СУ-2.
Хоть ты и не СС, и не СР,
И с...ать не хочешь на СССР.
Хоть этого не знают в КГБ,
И ты не состоишь в ВКПБ.**

Зато в страничку для девчат я поместил настоящую песню под старым псевдонимом, который уже порядком надоел, Любовь Шальная. В первой строке стихотворения слово "Вечереет" принадлежит Вас.Обскому-Соловью. У меня первоначально было "Море, сосны".

"Автобиографическое"

**Вечереет, грудь горит,
Жмёт подмышкой платье ...
Мама папе говорит:
Спасу нет от сватьев.**

**Всех бойчее на селе,
В зависти подруги:
Покорители полей
Прут со всей округи.**

**Я ж гоню их от ворот
Под аплодисменты.
Мне уже который год
Нравятся студенты.**

**Этим летом ... Женя мой
С университета.
Говорит он, что домой
Не поедет летом ...**

**Говорит, хочет набить
Об гранит мозоли.
Стало быть, не хочет быть
Педагогом в школе.**

**Только жаль, что не пришёл
В это воскресенье.
С ним ужасно хорошо
На душистом сене!**

Но вот и подошло время лекции доктора Центова для мужчин. Ребята пошушукались, через Ельчука достали единственный билет и вручили его мне. Я, чуя подвох, стал отказываться, но любопытство взяло верх.

- Записывай всё, нам расскажешь, - напутствовал Рома.

Народу в кафе было не так уж и много. Сидели, не раздеваясь - гардероб не работал. За передними столиками народ потягивал сухое вино, дальше от сцены, где сидел и я, народ был скромнее и обходился так. На сцену вышел и стал по ней ходить человек с чеканным профилем любимца и любителя женщин. Цвет лица и

глубокие мужественные морщины давали понять, что основным его занятием было просиживать вечера за коньячком в курортных ресторанах. Видимо, у него была неплохая практика в санатории или доме отдыха, куда так стремятся попасть все советские женщины. Я вытащил листочки, чтобы записывать мелким почерком.

- Чего хочет женщина? Чтобы её любили, - это была его первая фраза.

Однако, в тёмный вопрос, какой же именно любви хочет женщина, он не стал вдаваться, и с ходу перешёл к мужским проблемам.

- Нецелесообразно заниматься этим в условиях парка. Вас может выследить какой-нибудь псих и неожиданно нанести удар ножом в половую щель женщины. А вы от такого потрясения можете стать импотентом.

- Некоторые пугаются, если у женщины побрит лобок. Они думают, что она больна, и становятся импотентами. А на самом деле это может быть по пустой причине.

- Некоторые чувствуют там внутри бугорок и пугаются, становятся импотентами. А на самом деле это мочевого пузырь.

Он сыпал разнообразными примерами. По нему выходило, что женщины только и ждут, чтобы вы, ни слова не говоря, взяли их за руку, отвели в постель и совершили с ними половой акт. Только не надо ничего бояться, а то можно стать импотентом. Мой небогатый опыт говорил, что таких женщин не существует вовсе. Основной вопрос человечества: как затащить женщину в постель, не получив по самолюбию, - оставался открытым. Я знал, что многие мужчины прямо говорят приглянувшейся женщине, пойдём или дай. Но я знал, что многие женщины на такую прямоту с возмущением отказывают. А те, кто всё же даёт, не любят об этом рассказывать. Мужики же о таких победах распространяются охотно.

- Можно на время приостановить движения, если женщине объяснить, почему, - разглагольствовал дальше доктор, - но нельзя продолжать движения, если оргазм уже наступил! Это так вредно, что вы даже не можете себе и представить.

Мне сейчас смешно и грустно вспоминать эти топорные рекомендации. Сколько раз я приносил женщине удовольствие, не следуя им. Женщине всегда приятно, что ради неё стараются. А мне нравится, когда любимой женщине хорошо.

- Неправда, что онанизм иссушает мозг! - перешёл лектор к новой теме. - Разве половой акт иссушает мозг? А это в сущности одно и то же.

Да, старичок, лучше б ты не выпендривался, а просто, как мужик мужикам рассказал о своей половой жизни в санатории. Например, так.

"Ну, пришёл я к одной подруге. То да сё. Она говорит: ладно, мы с тобой ляжем, но ничего не будет - ко мне мужик завтра приезжает. Ну, хорошо, говорю. Легли. Только я ей вставил, сзади, значит, она - прыг на стенку. Легли снова. Подождал немного. Только снова вставил, она - прыг на стенку. Ты что, - на меня кричит, - я уже сплю. Ну, плюнул я на неё и ушёл".

В чём же загадка женской души? Почему писанные красавицы отдаются рас...даям, а потом всю жизнь страдают? Почему уважаемая мать семейства бежит за заезжим молодцом? Я думаю, что всё просто и примитивно. Спецы пусть меня поправят.

Многие считают, что женщин привлекает секс. Неправда, он им нравится, они получают от него физическое удовольствие - но не больше. Вы можете стать знатоком Камасутры, научиться приводить любую женщину к оргазму, доводить её в половом акте до изнеможения, она может хотеть этого ещё и ещё, - но это не значит, что она будет за это вас любить, если больше не за что.

Когда созревает яйцеклетка, она требует спермы. Так же, как у мужика - когда накапливается сперма, она требует исхода. Как сказал папа Петеньке: "ты знаешь, оказывается, у бабочек тоже самое!"

Женщина неосознанно начинает искать мужчину с большим количеством неизлившейся спермы. Она узнаёт его по взгляду, походке, по бог знает ещё каким признакам, известным только женщине. Она будет лезть к нему на глаза и кокетничать самым бесстыдным образом. И если этот мужик её в этот момент позовёт, она забудет про весь ваш секс и побежит за ним. Она может не получить от акта с ним оргазма или большого физического удовлетворения. Но она будет очень хотеть этого совокупления и огромное удовольствие получит от сознания выполненного женского долга именно с “настоящим” мужчиной. Она всегда будет с любовью вспоминать этого мужчину и всегда будет помнить, что у него выделилось очень много спермы. Вы думаете, это не так?

Когда я жил в аспирантском общежитии, соседом по блоку у нас был огромного телосложения довольно нелюдимый мужик. Всю неделю он жил один, но в субботу обязательно приводил к себе новую женщину. Как он находил такое количество новых женщин, оставалось загадкой, потому что он с нами не общался. Но он действовал без сбоев, как чётко отлаженный механизм. За неделю у него накапливалось много спермы.

Однажды он привёл ну совсем уж маленькую, раза в два ниже его и совсем худенькую. Она всю ночь кричала у него в комнатке от боли и умоляла его больше не делать «этого». Но он насиловал её до самого утра, беря своё. Она будила нас своими криками раз десять, это не были крики удовольствия. Мы стучались к нему в дверь, чтобы он прекратил, но он на нас не реагировал. Она, конечно, не кричала: "помогите, спасите". Ей хотелось остаться с этим мужчиной. После очередного акта всё затихало. Последний раз она кричала в шесть утра, когда начало светать. Больше мы её не видели, как и других его женщин. Вряд ли она была проституткой, она была очень скромной на вид. Но почему же она тогда к нему пошла и всё терпела?

Женщины не могут ответить вразумительно на этот вопрос. Они в эти дни, как дети, не ведают, что творят. Бывает, что они создают и проводят хитроумные планы, чтобы отдаться именно этому мужику, и когда отдаются ему, уверены, что только так и надо было поступить. Он может делать с ними всё, что хочет. Впоследствии они только сами себе удивляются, но не раскаиваются.

Уверен, эта хрупкая женщина, хвастаясь подругам про свои десять раз за ночь, не говорила им, как он разрывал ей внутренности своим огромным членом, и как она кричала на всё общежитие от боли.

Мужчины, уделяющие большое внимание победам над женщинами, знают эту особенность их натуры. Потому так презираем в их среде онанизм. Он не "иссушает мозг", а удаляет из организма избыточную сперму, так необходимую для приобретения характерного мужского взгляда, который ценится всеми женщинами и который поэтому так нужен этим половым спортсменам.

Аналогичная онанистам, но более драматическая ситуация случается с любящими мужьями, которые чересчур усердно исполняют свой мужской долг. Со временем они тоже утрачивают этот мужской взгляд охотника до женщин и становятся непривлекательными не только для жён, но и для их подруг, - мнение которых для жён очень важно, - сохраняя при этом полноценную мужскую потенцию. Часто жёны не только изменяют им, но и бросают таких мужей ради легкомысленного охотника, имеющего женщину не чаще раза в неделю. Такие случаи неоднократно описывались в художественной литературе как нечто удивительное и непонятное.

Отсюда, видимо, исходит и пресловутая рекомендация для супружеских пар совокупляться не чаще 1-2 раз в неделю. Именно такой режим жизни мужчины позволяет ему носить в себе столько спермы, чтобы поддерживать интерес к себе у жены.

Ханжи могут спросить: "А как же любовь?!"

Ну-ну. Спросите лучше у женщин, может быть, они вам и расскажут правду про свою "любовь".

Я вернулся с лекции и честно прочитал свой конспект друзьям. Они посмеялись над глупостью доктора, и Рома заключил:

- Да. Ничего интересного.

На этом с сексологией было покончено. Опять началась сессия. А после сессии надо было разъезжаться по домам, потому что на наши места в общежитии приезжали абитуриенты.

Но в этот раз случилось по-другому. Павловский пронюхал, что можно остаться, если работать в приёмной комиссии. Он каким-то чудом, по знакомству, устроил в приёмную комиссию себя, Сашу и ещё одного своего приятеля. А я поселился у них на свободной койке нелегально. Мне хотелось снова окунуться в ту романтическую пору, когда мы сами поступали в Универ. Бесшабашное чувство свободы и общения со всем миром вновь захлестнуло меня.

Общежитие гудело, как улей. И вместе с ним гудели мы. У нас появились новые друзья и подруги. Мы решали им задачи, рассказывали о студенческой жизни, показывали "Прометасс". Каждый день мы были навеселе, и вольная щенячья радость так и выпрыгивала из нас.

В первый же день мы познакомились с девушками, которых поселили в нашу бывшую комнату. Что греха таить: не все девушки едут, чтобы именно поступить. Они едут, чтобы вкусить свободы вдали от родителей, познакомиться с умными мальчиками, а может, и подцепить кого-нибудь в мужья. Наши девушки были из их числа - это бросалось в глаза сразу. Кто-то из них провалился на первом экзамене, кто-то недобрал баллов. Но зато они были жизнерадостны и общительны. Либо мы сидели у них, либо они приходили к нам. Как приходило в голову. Из них выделялись две Вали. Одна была красивая и рассудительная, а другая - ниже ростом - бойкая и темпераментная. Мне нравилась общительность второй Вали. За короткое время она перезнакомилась с огромным числом народу, со всеми была на ты. Мы часто оказывались с ней рядом, разговаривали только вдвоём, и мне казалось, что между нами завязывается симпатия. В сущности так оно и было.

Но однажды, когда у меня уже начала течь слюна на неё, она ошарашила меня вопросом: "Ты знаешь Кузькина?" - "Какого Кузькина?" - "С мехмата". Я быстро перебрал в памяти все знакомые фамилии мехматовцев. Такого не было. - "Не знаю". - "А вот он тебя знает!" Я ничего не понял, но настроение было испорчено на весь день. Какого чёрта она мне навешивала какого-то парня, да ещё сравнивала? Я спросил у Павловского: "Кто такой Кузькин?" - "А, да. Есть такой. На мехмате". Он выглянул в окно: "Да, кстати, вон он стоит, можешь посмотреть". Я выглянул: "Где?" - "Да вот, длинный". Это был совершенно невыразительный, худой и сутулый парнишка, с плоским лицом, белёсыми волосами и оттопыренными ушами. Мне сразу полегчало: не конкурент.

Однако времени с Валей мы стали проводить меньше. Её часто не было в общежитии.

Наступил тот день, когда Павловский "порадовал" меня сообщением, что сделал, наконец, свою "маленькую" Валу женщиной. Это сообщение потрясло меня, хотя потрясение было бы большим, если б он сделал женщиной мою Валу. Мы начали пить с утра. Павловский с радости, а я - чтобы восстановить душевное равновесие. Ближе к вечеру Павловский уехал провожать свою Валу на поезд, она уезжала домой. Моей Вали нигде не было.

В общежитии начались танцы. Я поддал ещё и пошёл на них посмотреть. Зал был пуст, и это быстро надоело. Я вернулся в комнату, все куда-то разбежались.

Жуткая тоска охватила меня. От пережитого и перепитого разболелась голова, мутило, и всё было, как в тумане. Я очень устал. В комнате был полумрак. В углу горел тот самый красный фото-фонарь, при свете которого Павловский «делал» свою Валю. Я живо представил, как он это делал, и стало ещё противнее на душе. Я решил лечь спать, но было ещё рано, и сон не шёл. В тусклом свете фонаря всё казалось каким-то нереальным.

Дверь приоткрылась и в комнату проскользнула Валя. Она была в синем тренировочном костюме, вид которого её отнюдь не украшал. В таком обычно ходят в лес.

- А, вот ты где, - сказала она.

- Да, - неопределённо ответил я.

Она подошла и легла рядом со мной, подперев голову рукой, но сверху на одеяло. От неё разлило потом, как будто она только что пробежала стометровку на время, чесноком, запах которого, особенно в сочетании с запахом табака, я с раннего детства не выносил, ещё селёдкой - но не изо рта, и каким-то приторно-сладковатым тошнотворно-противным запахом. Видимо, она этого ничего не замечала.

- Странно, - лениво подумал я, - оказывается и у женщин их место может пахнуть селёдкой, как у нас. Я раньше об этом не знал.

- Я знаю, чего ты хочешь, - сказала Валя.

Я тоже подумал, что надо бы её положить под одеяло, раз уж она пришла, и что-то начать с ней делать, что полагается, может, поцеловать.

Я повернулся на бок к ней лицом и обнял, чтобы придвинуть поближе. Она чуть заметно напряглась, не выказывая желаний пойти мне навстречу.

Я потрогал её грудь - она была очень маленькая. Однако запахи были отвратительными. Мышцы парализовала усталость, гудела голова. Всё было, как в тумане. Рядом со мной лежала девушка, которая обычно мне нравилась, но сейчас у меня даже ничего не шевелилось.

Я дотянулся губами до её губ и поцеловал. Её губы были сухие и безжизненные. Она никак не прореагировала. Я опять не возбудился. Это было выше моих сил. Я понял, что ничего хорошего с ней не будет. И эти ужасные запахи ... Это был не мой вечер.

Мы поговорили немного о пустяках, и она убежала.

Вскоре она вышла замуж за Кузькина и родила ему девочку. Года через три мы случайно встретились на улице. После обычного обмена житейской информацией мы немного прошли рядом.

- Я знаю, почему ты на меня обиделся, - неожиданно сказала она.

Я улыбнулся и промолчал, не желая ворошить старое. Она всё ещё мне нравилась. Мы больше не виделись.

Я не обиделся тогда на неё. Я просто впервые столкнулся с таким женским практицизмом, когда только что побывав у одного мужчины, она бежит к другому, чтобы на всякий случай соблазнить и его. «А тому ли я дала?» - вечный бабий вопрос.

Селёдкой пахнет только от мужского члена, и тот сладковатый тошнотворный запах образуется лишь на мужском теле.

И молодая
Не узнает,
Какой у парня был “конец”.
(Из грустной песни)

Глава 5. ДУХ "ПРОМЕТАССА".

Поезда идут на запад неуклюже, некрасиво.
А с востока к нам доносит свежий ветер Куро-Сиво.
Чуваки, зачем мне запад? Я по западу не плачу.
(Из песни неизвестного автора)

После пережитых волнений было огромным облегчением оказаться в поезде, который целых пять дней будет везти меня на восток, домой. Я забрался на верхнюю полку и решил выспаться. Я спал день, ночь, потом ещё день. В купе ехало ещё две словоохотливые женщины и девушка на выданье. Женщины никак не могли взять в толк, чего это я всё лежу и не обращаю никакого внимания на такую хорошую девушку. Это, конечно, было нехорошо. Сквозь сон я слышал, как они говорили: "Что нужно девушке: чтобы её обнимали, чтобы тискали". Тут же я вспомнил слова доктора Центова о том, что нужно женщине. Это сравнение девушки с женщиной было бы неплохим началом для отчёта с его лекции, - подумал я. "Прометасс" номер 4 начал зарождаться.

В конце концов пришлось слезть, но девушка к тому времени, слава богу, познакомилась с солдатиком и тем самым спасла моё мужское достоинство.

Погода стояла чудесная, на станциях народ бегал за продуктами и просто выходил поглазеть по сторонам. Настроение улучшалось, я почувствовал вдохновение. Конспект лекции Центова был разделан под орех. Я искажал, утрировал, доводил до абсурда его фразы, добавлял двусмысленности. После такой обработки даже у меня, автора, они вызывали смех. Это был новый стиль в Прометассовской прозе. И я сам не подозревал, как можно так легко исказить и обсмеять казалось бы серьёзные вещи. Я понял, что в меня вселился какой-то новый весёлый дух.

Я приехал домой и обнаружил, что со мной что-то случилось. Неужели это от того, что я выспался в поезде? Я чувствовал острее, видел острее, был всегда бодр и легко писал о том, что видел. Я никогда не испытывал такого интереса к жизни и к тому, что пишу.

Вот пошёл ливень. Обычный для наших мест. Я смотрел в окно, как смешно люди бросились врассыпную, прикрываясь газетами. И тут же само сложилось стихотворение:

Было бѣлым-бѣло и белым-бело.
Солнце в тучу село, прямо засветло.
Стало чѣрным-чѣрно и черно-черным.
Люди побежали в обе стороны.

Между облаками молнии скакали.
Воробѣв стая скрылась под листьями.
Ты глядишь, как с крыши хлынул дождь,
И ответ не слышишь, и вопрос не ждѣшь.

Я люблю летний дождь в нашем городе. Особенно люблю ходить вечером под мелким морозящим дождём по улицам. Он тёплый. Люди куда-то торопятся и из-за дождя не обращают на меня никакого внимания. Всё другое, необычное. Фонари светят иначе, машины шуршат шинами иначе, голоса у людей звучат иначе. Неба нет, туч нет, а наверху в свете фонарей висит какой-то искрящийся кисель. Выйдите на улицу в такой дождик, увидите много интересного.

Но дождь бывает забавным, когда падает неожиданно, прямо с ясного неба. Я попал под такой дождь, прямо на центральной улице, когда светило яркое солнце, и никто не захватил зонта.

"Дождь"

За минуту город наш
Превратился в мини-пляж.
Сверху капает вода,
Снизу - всякая бурда.
Между верхом, между низом
Шпарят девочки к карнизам.
Мини-юбочки в обрез
Вызывают интерес.

На подружках под стеной
Платьница-сорочки.
Дождь - фотограф озорной
Проявил кружочки.
А один бедовый школьник
Разглядел и треугольник.-
Мальчик с детства не овал -
Треугольник рисовал.

По воде бежит девчонка,
Держит ручками юбчонку,
Чтобы божью благодать
Выше не было видать.
Две ж девчонки на бегу
Поднимают ножки -
Две девчонки на бегу
Снимают босоножки!

А асфальт, как Иисус -
Всемогущий боже,
Зрит на ихнюю красу,
Только снизу всё же.

Жмут девчонки под карниз,
Бдя законы божьи.
Между вверх и между вниз -
Правдою и ложью.

Как-то я пошёл на пляж. По поводу пляжа Рома любил петь песенку:

Приходи ко мне на пляж
И со мною рядом ляжь.
Приводи с собою Олю,
Я её отканифолю.
Приводи с собою Маню,
Я её отбарабаню.

На что я ему подпевал:

Приводи с собою Катю,
Я её откаракатью.

Рома горько смеялся на это и говорил о моём испорченном воображении.

Так вот, мне нравился этот дикий пляж, где были просто море и просто узкая полоска песка, где не было никаких удобств, кроме редких кустов на крутом берегу. Я взял с собой почитать старый томик Мопассана (тоже Мо), но читать не очень хотелось. Рядом стала располагаться на шикарнейшей подстилке семья из матери и инфантильной великовозрастной дочери, отнюдь не лишённой привлекательности. Мамаша почему-то недовольно на меня озиралась. "Чёрт возьми! - подумал я, - Неужели это из-за книжки?" Меня разобрал смех от такого предположения, а придя домой, я этот случай записал.

"На пляжé с любимой книжкой"

Время острова Коврижка -
3 часа 00 минут.
Я зажал её подмышкой
И пытался развернуть.

На шикарном одеяле
Рядом сели дочь и мать.
Я подумал: - Хали-гали!
Вынимать - не вынимать?

Поборов души смятенье,
Тотчас вынул я его.
Дочь взглянула с изумленьем
И сказала кой чего.

Я засунул всё обратно,
Чтобы не было видать -
На меня тотчас, понятно,
Посмотрела строго мать.

В жуткой позе, как в асане,
Два часа пришлось лежать.
Ах, зачем я Мопассана
На пляжé хотел читать!?

Это был новый приём использования сексуальных двусмысленностей и намёков. Но шедевром этого стиля оказалось следующее стихотворение. Я обычно оставался на пляже до заката, чтобы понаблюдать с высокого берега за огромным заходящим солнцем. К тому времени начинался прибой.

"Наедине с Океаном"
Он был могуч ... Он был поэтом ...
Пылало солнце за кустом.
С кем хоть однажды было это,
Тот не забудет и потом.

Такого -
я не знала прежде:
Меня он нежно
привлекал.
И я забылась.
Злой надежде
Он, не щадя, себя отдал.

Вот, наконец, - и я нагая.
Вот, наконец ... он - сам не свой!
Я окунулась, невзирая
На бурный
ПЕНИСтый прибой!

Заключительный каламбур - настоящая случайная находка. Слова из песни не выкинешь. Вот истинное древнейшее назначение поэзии: за приличными словами скрывать неприличный намёк, который для всех очевиден, говорить пристойными словами о непристойных желаниях.

Серёжа Чернобаев, случайно встретившись на улице, пригласил в поход на мыс Песчаный, что на другом берегу залива. "Ну, и девушки будут", - скороговоркой добавил он.

Катер отходил в 6-30 утра, и мне пришлось добираться на первом трамвае, не выспавшись. Было прохладно и хмуро. Девушек оказалось две, типичные туристки - ленивые и вялые, но у одной была потрясающих размеров грудь, - видимо, болезнь такая.

Я с детства не люблю походы. А случилось это в пионерском лагере. Мы вышли тоже до рассвета и, естественно, не позавтракав. Я был в недоумении, какая такая нужда была так рано подниматься. Мне достался рюкзак с картошкой, таких было всего три. В нём было её ведра два с половиной, не меньше. Я согнулся, но бодро зашагал в первых рядах. Через полчаса меня стало пошатывать, и я оказался

в задних рядах. Потом все ушли вперёд и остановились подождать меня. Они стояли и отдыхали, но только я подошёл - тут же двинулись дальше. Очень мило. Так повторялось несколько раз. Я едва добрёл до привала.

Сварили картошки, но брали её почему-то не из моего рюкзака.

Счастливец, у которого рюкзак с картошкой почти опустел, шёл впереди, разглядывал природу и напевал песни. А я шёл последним и никакой природы-бля вокруг не замечал. Добрели до второго привала. Опять варили картошку, но опять не из моего рюкзака. Я уже с этим смирился.

На третьем привале, наконец, из моего рюкзака отсыпали треть: кушать одну картошку всем уже надоело. После ужина стали готовиться ко сну. Но мальчики должны были стеречь костёр. Кинули жребий - мне выпало дежурить с трёх часов ночи.

Ночью мне приснилась страшная картина. Я почему-то лежал на спине и смотрел вверх. Вокруг меня стояли девочки и как-то странно на меня смотрели. Они шевелили губами, но слов не было слышно. Выше их голов ветер раскачивал сосны, упирающиеся верхушками в чёрное небо.

Я в ужасе что-то промышчал, повернулся на бок и укрылся с головой. Тут же страшная картина пропала.

Утром меня едва разбудили.

- Что ж ты костёр не стерёг? Мы тебя будили-будили, а ты не встал. Руками от нас отбивался, - набросились на меня девочки.

"Так вот что я видел ночью", - с ужасом подумал я.

- Ну, ничего, мы и без тебя хорошо посидели.

Я так и не понял, куда и зачем мы ходили в поход. Оставшиеся две трети рюкзака картошки я так и донёс обратно до лагеря. С тех пор я не люблю походы и не понимаю туристов.

Но плыть на другой берег бухты, который я каждый день вижу из окна, то как синий остров, то как серое облако на горизонте, - это другое дело.

Я думал, что дорога займёт не больше часа, но берег оказался значительно дальше, мы плыли больше двух часов. Объяснялось это обманом зрения. На том берегу была высокая сопка, и её-то я и принимал за берег. На самом деле берег был за горизонтом, а видна была только эта сопка.

Солнце так и не появилось, пока мы плыли. "Видимо, загорать не придётся, небо не прояснеет". Мы сошли на берег без большого энтузиазма. Чайки почему-то не стремились летать в воздухе, а плавали, как утки, в тихой бухте. Мы прошли изрядно вдоль берега, уходя от цивилизации. Наконец, добрались до какой-то серой полянки, которая была почему-то подходящей.

День прошёл в ужасной скуке. Не выспавшись ночью, я не получал никакого удовольствия ни от купания, ни от ловли крабов, которые норовили цапнуть за палец, ни от еды, ни от разговоров. Девушка с огромной грудью не обращала на меня никакого внимания. А такую грудь очень хотелось потрогать. Я задумал улечься спать рядом с ней.

Как задумал, так и сделал, - и как всегда, ошибся. Нас набилось шестеро в двухместную палатку. Сзади меня поджимал увесистый парнишка, а спереди не такая уж и мягкая попка девушки с огромной грудью упиралась как раз мне пониже живота. У меня, конечно, сразу же встало. Я не знал тогда, что девушкам нравится прижиматься к этому твёрдому и тёплому, и думал, что это свойство мужской природы неприлично выставлять напоказ. В-общем, как-то устроившись, чтобы не смущать девушку твёрдым членом, я обнял её рукой и начал исследовать грудь. Девушка никак не реагировала, и я изучил всё, что мог в такой тесноте. Грудь оказалась мягкой, соски не вставали, - в общем, скоро мне это надоело. Тогда я изучил тоже мягкие живот и лобок. Девушка не реагировала. То ли уже спала, то ли

ей было интересно, чем это закончится. Я попробовал залезть к ней в трусы. Но неожиданно на ней, как на луковице, оказалось так много одёжек, и все с тугими резинками, что я понял, что это безнадежное дело в такой тесноте.

И вот представьте себе дурацкую ситуацию, которую я не предусмотрел. Лежит, упираясь в ваш член задрапированным задиком, соблазнительная девушка, возбуждает вас этим присутствием, и никак при этом на вас не реагирует. Ну, если б она меня толкнула, стукнула или обругала тихонько, то я бы устыдился, успокоился и заснул себе. Если б она, к примеру, пощупала мой паяльник рукой или повернулась ко мне, то мы бы, возможно, пообнимались, поцеловались, и я бы заснул, довольный частичным успехом. А то, ведь, полное равнодушие!

Так ко мне и не пришёл сон до самого утра. Только когда все встали, я смог продремать пару часов до завтрака. Встал я жутко разбитый и проклял всех этих бесчувственных девушек с шикарной грудью.

Второй день был не лучше первого. Мы снялись заранее, чтобы успеть к четырёхчасовому обратному катеру.

И тут бог нас наградил настоящим приключением. Едва мы взошли на борт, подул лёгкий ветерок. Чайки что-то тревожно кричали, плавая в бухте. На выходе из бухты ветер усилился. Катер заметно раскачивало. Мы вышли на палубу на свежий воздух.

Стало быстро темнеть. Волны и ветер усилились. Нас качало основательно. Мы уже не раз бегали к борту, чтобы очистить желудок. Кое-кто добежать не успевал. Эта морская болезнь никак не походила на воздушную, когда самолёт долго проваливается в воздушную яму, а потом выбирается из неё. Здесь проваливались и выбирались во многих разных ямах, и это происходило бесконечное число раз. Уже всех не раз вывернуло наизнанку, но нас продолжало качать и качать и выкачивать из нас всё, когда-либо съеденное.

К носовой качке прибавилась бортовая. Серёжа ещё что-то пытался рассуждать о преимуществах одной качки над другой. Но мы ещё не добрались и до середины залива.

Я посмотрел вверх на мачту. Она выписывала в небе невероятные кривые. Волны стали перекатываться через палубу, и мы сочли за благоразумие уйти в каюту. Но в общей каюте были духота и запах блевотины. Шум от ветра и волн стоял такой, что перекрывал шум мотора. Мы то выходили на минуту на палубу проветриться, то заходили опять. Мы были давно насквозь мокрые, но на это никто не обращал внимания. Голова была пустой и бессмысленной. Катер еле полз в крошечной темноте, едва прорезаемой лучом прожектора.

Часов в 7 вечера неожиданно показался берег. Мы с трудом причалили и спустили трап. Едва сойдя на пирс, я не поверил своим глазам: земля качалась из стороны в сторону. Удерживая равновесие, я чуть не свалился с пирса. Хорошо, что меня успел зацепить Серёжа. Неуверенной походкой я прошёл метров 30 по асфальту пока не почувствовал, что земля стала качаться меньше, и я могу, наконец, собой немного управлять. Только тогда я остановился, схватившись рукой за какой-то столб. Земля ещё качалась, но намного тише.

Мы, очумелые, пожали друг другу руки и разошлись. Потом Серёжа говорил, что в тот день на середине залива шторм был 7 баллов, - такого никто не помнит.

Об этом морском путешествии я сочинил стихи:

"На морском трамвае"

Все волны были цвета
морской
волны,
И несмотря на это,
естест-
венны.
А чайки над волнами
мяу-
кали,
Как будто занимались
нау-
ками.
Нам места не хватило
на кло-
тике,
Где кое-где осталось
экзо-
тики.
Но мы забрались на нос
и стали
там,
И стали капитанами,
став у
борта.
Но небо почему-то
сменило
цвет,
И солнце - цвет валюты
на цвет
монет.
Куда-то ветры чаек
заны-
кали,
Как будто бы начались
кани-
кулы.
Я в небе хмурый клотик
не на-
хожу.
Фигуры пишет клотик
по Лис-
сажу.
И что-то стало туго
бежать
к бортам.
И кое-кто с натугой
лажал-
ся там.

Я понял с сожалением,
что много
ел.
В минуты облегчения
я вдаль
глядел.
И видел небо розовое
над
землёй.
Хотелось мороженого
и
домой.

В это же лето проходил седьмой съезд Союза советских писателей. Вокруг него был поднят небывалый ажиотаж. "Литературная газета" публиковала все выступления на съезде. А выступать давали всем. Я не мог понять, для чего была устроена эта грандиозная показуха, и просматривал "Литературку" всю, надеясь что-то уловить. В докладах в основном воспевалась НРКП (аббревиатура Обского-Соловья), то есть Наша Родная Коммунистическая Партия. Но одна речь была не в тему. Это было короткое выступление М.Шолохова, в котором он критиковал своего "друга" И.Эренбурга за то, что тот уехал в Италию вместо того, чтобы присутствовать на съезде.

Вопросов возникало много. Если ты маститый писатель, то почему такая краткая речь? Если ты друг, то почему публично поносишь своего друга? Ну а если истина тебе дороже, то почему ты раздуваешь скандал вокруг пустяка? К чести выступавших позже - скандал заглох, не разгоревшись.

О Шолохове уже и тогда ходили слухи, что он не являлся автором "Тихого Дона". Сейчас известны веские свидетельства в пользу тех слухов. Молодой Шолохов для успеха в жизни воспользовался случайно найденным архивом неизвестного русского писателя, погибшего в ту пору. Он не мог, конечно, представить истинную ценность находки. Но доказательств этим домыслам нет.

Рукописи, как известно, не горят. Шолохов вернул народу его культурное наследие. Причём донести его до народа своевременно помогло именно политически чистое имя Шолохова. За это судьба обеспечила ему и его потомкам безбедное существование.

Когда-нибудь для кого-нибудь, конечно, тайное становится явным. Однако, не для всех. И остаётся вечным вопрос: стоит ли ради истины крушить веру?

Эренбург, которого очень ценил Саша Бругилевский, вряд ли в связи с этой историей мог быть другом Шолохову. Спустя некоторое время после съезда он умер там же в Италии.

Я взял из речи Шолохова цитаты, немного подкорректировал их, введя стихотворный размер, и получилась басня.

"Свинья и Гусь"
(басня)

Вешенской.

Товарищи друзья! Хочу предостеречь ...

Одна Свинья в свиномнике
решила хрюкнуть речь.

"Меня вот лично крайне огорчает
Отсутствие здесь друга моего - Гуся.
(Похлопали ушами поросё).
Смотрю вокруг - чего-то не хватает;
Не по себе становится,
 под ложечкой сосёт,
И чёрной тенью грусть
 на душу мне ложится.
Где друг?
Оказывается - ему на месте не сидится!..
Нехорошо! - у друга моего ...
А где ж Гусиное достоинство его?!
Дай волю - каждый возгордится!.."

Мораль:
Читатель! В басне – ложь.
И Гусь хорош.

Вместе с "Литературной газетой" я выписал ещё и детский журнал на украинском языке "Барвинок". И сейчас с большим удовольствием читал детские стишки, тренируя свои познания в украинском языке. Я пробовал перевести их на русский, но это оказалось трудной задачей. Получился только один стих:

Вадим Бойко.
"Слухняний"

Малий біля дороги
Стоїть і гірко плаче.
Хтойсь підійшов до нього,
Коли таке побачив.

- Што плачеш ти, хлопчино?
- Сказала мама строго:
Як пройдуть все машини,
Ти переходи дорогу.

И вот уже чекаю
Я, мабуть, пив-години,
Тай досі ще немає
Ні одної машини!

А вот перевод:

«Послушный»

На краю мостовой
Мальчик плачет горько.
Подожёл постовой,
Слёз увидел столько.

- Что плачешь ты, хлопчино?
- Сказала мама строго:

Проедут все машины -
Переходи дорогу.

И уже вот полдня,
Может быть, прождал я,
А машин - ни одна
И не проезжа-ала!

Лето пролетело, как один день. Я дышал полной грудью и жил полной жизнью. Я исходил все сопки, чтобы посмотреть сверху на город. Я доплывал на морском трамвае до бухты Улисса и затем возвращался домой пешком вокруг бухты Золотой Рог. Я уезжал на шикарный песчаный пляж бухты Шамора в будни, когда там почти никого нет, и стоя по горло в прозрачной воде, нащупывал ногами и доставал со дна гребешков. Мне не было скучно одному - я всматривался в жизнь, как будто впервые её видел, и жадно впитывал ощущения. Я сочинял на ходу, а придя домой, записывал, исправлял и снова сочинял. Эта работа сама меня вдохновляла. Я набрал много вырезок и придумал много идей для нового номера Прометасса.

Подошёл день отъезда. Путешествовать по Транссибирской магистрали на поезде в конце лета всегда интересно. Ясная погода, дикая природа, немногословные степенные люди, интересные попутчики, на станциях продают ягоду, огурцы, варёную картошку - всё аппетитное, - проводники разносят чай, не жалея заварки и сахара.

Как всегда, на вокзал меня провожал отец. Он всегда нёс мой чемодан сам, хоть ему и было тяжело. Он всегда делал то, что считал необходимым, и лишь в свободное от забот время - то, что хотел. Переубедить его практически было невозможно. Мы были, как всегда, немногословны. О чём говорить? Я выбрал самостоятельную жизнь, уехав из дому учиться, и он мне уже не советчик. Я тоже ничем ему в жизни помочь не мог. Отрезанный ломоть - обратно не приставишь.

Поезд тронулся. Я представил, как выглядит с перрона удаляющийся хвост поезда, как раскачиваются вагоны и исчезают в туннеле.

Поезда идут на запад неуклюже, некрасиво.

Ай, я хиляю.

А с востока к нам доносит свежий ветер Куро-Сиво.

Ай, я хиляю.

Чуваки, зачем нам запад?

Я по западу не плачу.

Ай, я хиляю.

Наш Владивосток, о бэйби,

Город невысок, о бэйби,

Кабачки вокруг, о бэйби,

Приводи подруг. О бэйби,

Предлагаю памятник снести, о!

День и ночь,

ночь, ночь,

Чья-то дочь,

дочь, дочь,

Хиляет рок,

рок, рок,

Владивосток!

Во-сток.

Владивосток, о город мой!

Паровоз коптит трубою чёрное ночное небо.

Ай, я хиляю.

Я держу своей рукою чёрную краюху хлеба.

Ай, я хиляю.

Денег нет, иду в кабаки я -

и толпа со мной в придачу.

Ай, я хиляю.

Наш Владивосток, о бэйби,

Город невысок, о бэйби,

Кабаки вокруг, о бэйби,

Приводи подруг. О, бэйби,

Предлагаю памятник снести, о!

День и ночь,

ночь, ночь,

Чья-то дочь,

дочь, дочь,

Хиляет рок,

рок, рок,

Владивосток!

Во-сток.

Владивосток, о город мой!

Эту песню я слышал от друга детства Вовки Иванова, который умер этой весной от рака мозга. Возможно, он её и сочинил. Он был предводителем Первореченской толпы (или, если хотите, шаны). Он был невысокого роста, лысый, глаза немного навывкате, на затылке была продолговатая шишка. Она-то и перешла в рак. Он всегда ходил в пиджаке и чёрных кожаных перчатках, а когда становилось холодно, надевал шарф и шляпу. Он казался старше своих лет.

Он всегда был справедлив, решителен и хладнокровен. Ему приходилось воспитывать своих младших братьев и заботиться о них. Так же по-отечески он заботился и о своей непутёвой толпе. Никакой уголовщины там не пахло. Он водил их по улицам, рассказывал байки, придумывал развлечения. И всё это делал, как старший друг. О его отваге и самообладании ходили рассказы. Однажды на набережной на них напала огромная Ленинская толпа. Он сориентировался быстро, выломал из забора шпакетину вместе с гвоздями и стал безжалостно крушить ею нападавших направо и налево. Те с позором убежали.

Мы оба ходили в шахматный кружок Дома пионеров, где и познакомились. Руководитель кружка "Мастер" Владимир Васильевич Власов-Майский, жизнерадостный краснолицый толстяк, играя в блиц, любил петь на свой собственный оригинальный мотив известную песню:

Высоко в небе ясном

Вьётся алый стяг.

Мы мчимся на коне,

Туда, где виден враг.

"Именно на коне, а не на конях!" - с жаром говорил он критикам, которые хотели его поправить.

Однажды наша соседка Зина, розовощёкая молодая еврейка, которую я немного стеснялся, смеясь, спросила, а почему это я сижу дома, когда в Доме пионеров полно всяких интересных кружков. Были каникулы после шестого класса, до Дома пионеров далековато, на двух трамваях ехать, но я решился, и всю жизнь с тех пор с теплом вспоминаю эту чёртову тётю Зину. Я записался в авиамодельный кружок и целую неделю вытачивал и шлифовал какой-то пропеллер. Когда это порядком надоело, я решился исследовать внутренность Дома пионеров, здания очень таинственного внутри, и пошёл в другое его крыло. Пройдя коридор и выйдя в холл, я вдруг услышал дикий шум, крики и смех за дверями одной из комнат. Дверь распахнулась и выплонула двух раскрасневшихся ребят очень довольного вида, у одного были слёзы на лице, и им вдогонку грозным, но добрым басом «... и без мамы не возвращайся!». Не зайти было невозможно. Это был шахматный кружок.

Кружок был братством. Здесь все галдели и шумели неимоверно, шутили, пели, смеялись и кричали от души, но никто не смел перечесть Мастеру. Сам он восседал за массивным шахматным столом и с неподражаемым азартом и "звоном" гонял блиц с кем-нибудь из старых кружковцев, отрываясь лишь, чтобы внести чей-нибудь результат в одну из множества таблиц, начерченных им ручкой от руки с изумительной аккуратностью. И в хорошей позиции всегда что-нибудь пел сочным громким голосом на собственный игривый мотив, например:

Последняя туча рассеянной бури,
Одна ты несёшься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую те-ень...
Тень на плетень, тень на плетень!

Или: Что бы нам ни петь,
 Что бы ни гудеть?
 А что бы нам ни петь,
 Что бы ни гундеть?

Или: Хорошо играет
 В эти игры он!
 Но не понимает,
 Где ладья, где слон!

Витя Сивохин иногда негромко вторил, вращая округлёнными глазами: «Хорошо играю в эти игры я, но не понимаю в играх ни ... чего». Когда эта шутка доходила до ушей Мастера, он делал страшные глаза и гремел: «Витя! Выйди вон. И больше не приходи!» Через минуту Сивохин возвращался и просил прощения, которое и получал с предупреждением, что это ему в последний раз.

Если Мастер пел что-нибудь попроще, то это уже подтягивали все кружковцы мощным хором:

Сдавайся на ничью!
Сдавайся на ничью!
Сдавайся на ничью
 чью, чью, чью, чью!

Иногда он останавливался, грозно взирал на всю нашу верезжающую толпу и, указывая рукой на самого шумного, возмущённо отчитывал его: "Лёва! Ты почему так кричишь? Я сам себя не слышу!" На минуту устанавливалась полнейшая тишина, но как только он склонялся над доской, всё начиналось снова. Над зелёным

сукном столов, над зачехлённым пианино, над застеклёнными шкафами с книгами и хламом, под высоким потолком, отскакивая от окон и путаясь в тяжёлых бархатных шторах, носился он, уже тогда дух Прометасса, и, залетая в мою душу, оставлял в ней полный восторг и упоение жизнью.

О, эти беззлобные шуточки тёплой мужской компании, только чтобы показать себя и свой гонор, на которые никто не обижается! Как я люблю их с тех пор. Девочки у нас не приживались. Обычно их приводили маленьких, тихеньких, пугливых и скромных. Мастер сюсюкал с ними, гладил по головке и кормил конфетами. Долго и увлечённо беседовал с мамашами. Но всё было напрасно.

Вскоре появилась возможность команде кружка поехать на турнир в Ленинград. В отборочном для команды турнире мы с Ивановым разделили последнее выходящее место. Кого брать? По коэффициенту? «Нет, пусть играют матч, из десяти партий!» - уверенно возвестил Мастер. Я вытянул начинать чёрными. В нашем матче выигрывали только белые. Ничья. «Пусть играют ещё одну», - решил Мастер. Как ни желал обратного, я опять вытянул чёрные. Переиграл, мог выиграть в два хода, но опять проиграл. Магия чёрного цвета. Досадно, но не обидно, потому что Иванов был старый кружковец. И вёл он себя по дружески, с уважением. Да и за матчем все следили с огромным интересом. Это был как матч века.

Оказалось, это было просто не судьба. Я так никогда и не побывал в Ленинграде. Многие города вокруг посетил, однажды ехал на электричке из Москвы в сторону Ленинграда. Но не более. А в перестройку наш институт не нашёл денег 50 рублей для меня на конференцию проездом через Ленинград.

Мы с Ивановым не были приятелями, я не ходил с его толпой, а он меня туда не звал. Но мы оба были умные и интеллигентные люди. И играли в шахматы примерно в одну силу, хотя и по-разному. Мы жили по разные стороны социальной лестницы: я в сравнительно благополучной семье, он - в бедности и ранних заботах, но мы не завидовали и не презирали друг друга, как это бывает. Этого хватало, чтобы чувствовать друг к другу симпатию.

Как много людей умирают в неизвестности, и живут только в памяти своих друзей, которые помнят их, пока сами не умрут.

Едва приехав, я тут же показал всё написанное Саше. "Ого!" - сказал он и, загадочно улыбаясь, полез к себе в портфель. Оттуда он извлёк огромных размеров толстый альбом для рисования.

- Я это предусмотрел, - смеясь, сказал он.

Я показал Саше речь Шолохова и басню. Он был потрясён совпадением текстов. Он подчеркнул в речи все цитаты, совпадающие с текстом басни, и ко всем приставал:

- Смотри, один к одному!

Наконец, он наклеил речь в альбом, сбоку поместил мою басню и снабдил всё броским заголовком, вырезанным из журнала: "Травля!"

- Ну, Саша, - завертел Ёжик задом по стулу, увидев столь опасный материал, - это надо убрать.

Саша только довольно улыбался.

- Нет, я вам сюда ничего писать не буду. И из других номеров меня вычеркните, - не унимался Ёжик.

- Ладно, ладно, не бзди. Не бзди, как говорится, горохом. - успокоил друга Рома. - Но всё-таки, ребята, давайте кому попало давать это не будем.

На том и порешили.

Так как часть стихотворений я писал от женского имени, чтобы поместить их в "Девичий листок", то подписывать их приходилось женскими псевдонимами. Так,

в первых номерах появлялась Любовь Шальная - явно неудачный псевдоним, потом Марина Шершеляфамова, а в этом номере к ней присоединилась её старшая и менее романтическая сестра Ирина.

Женщины Прометасса: Ирина, Марина и Сарина Шершеляфамовы.

Ирина написала стихотворение о ливне, а Марина - "Наедине с Океаном". В следующем номере появится младшая сестра Сарина Шершеляфамова. "Сарина" - так называлась книга первого президента Индонезии доктора Сукарно. Он назвал её именем своей младшей красавицы-жены (третьей по счёту), но про саму эту жену в книге почти ничего не было, если не считать места, где описывалась физиология женского организма. Остальные 98% книги были посвящены непонятно чему, и издали её исключительно ради дружбы народов. Она стояла новёхонькой на полке районной библиотеки в мои школьные годы.

Завидуя моей плодовитости, Э-р По сразу же написал эпиграмму:

Е.Мосампилову.

Он был могуч ... Он был поэтом ...
Теперь он лыс. И поделом.
Кричит: "Карету мне, карету". –
А ведь давно пора на слом.

Багрицкому "повезло" ещё раз: Блюмкин принёс "Метаморфозы":

Сегодня имеем мы булки
И в баре кричим: "подавай!",
А завтра в глухом переулке
На нас наезжает трамвай.

Сегодня мы кушаем булки
И платим за даму в кино,
А завтра на лыжной прогулке
Идём утюгами на дно.

Моисей Фишман тоже принёс свои сочинения – под разными псевдонимами. Он солидно вошёл в комнату и сказал: "Вот, Саша, смотри. Даю тебе".

Загадка: На небесах мой первый слог,
Точнее, он слегка картавит.
Второй мой слог - зверями правит.
А третий - всяк, кто глаз имеет,
Узрит фамилию обрусевшего еврея.

Отгадка: Б-р-ог и лев ский.

Булат Евтусенский.

“Нет, я не Байрон, я другой”.
Но всё равно на Унитазе
Стою лишь правою ногой,
А левой - в самом крайнем разе.

Доброжелатель.
ЭПИТАФИЯ

Без Бахиса
Потерпишь крах и са-
мую позорную судьбу.
А с Бахисом -
Всегда Аллах и сом-
нительные женщины в гробу.

Фишман сейчас - хорошо известный украинский поэт. Но он до сих пор не знает, что лучшие его стихи - это те, что он принёс в "Прометасс".

Даже Павловский притащил стихи! Он отдал их Саше и, пряча руки за спину, сказал, что написал их ещё в школе. Мы, округлив глаза, стали читать эти четверостишия.

Во мне всё бушует
и рвётся наружу.
О боже!
Я тоже в стихах говорю.
Ну что ж, ... ,
у несчастных влюблённых
Поэзия быть начинает
в ходу.

* * *

Целую так,
чтоб небо задрожало.
Лишь боги присмирели вдруг,
А я тебя ласкаю, дорогая.
Дороже для меня,
чем ты,
Не существует жизни.

* * *

Восьмое марта, праздник женский,
В кругу друзей встречай
всегда.

И в будущем,
простившись с школой,
Не забывай нас никогда!

* * *

Я никогда бы не подумал,
Что буду здесь
стихи писать.
Лишь эта проклята
бумага
Про мои чувства
будет знать.

И я нисколько не
стыжуся,
Пускай неказисты
они.
Но с сердцем я
сюда вложуся,
Для облегчения
души.

* * *

Теперь ты, милая,
гуляй по-прежнему.
Иди своей,
проложенной
тропой.
И пусть останется
глубокой
тайною,
Что отцвела
весна
Для нас с тобой.

Такого откровения мы, действительно, не знали прежде.

- Куда же их поместить? - спросил Саша, - В страничку для девчат это не пойдёт.

- Да уж, действительно, - крикнул Рома, - давай для них заведём новый раздел и назовём его "Лирика". А ещё лучше - "Чистая лирика"! - смеясь, закончил он.

- Только подпишите моим псевдонимом, - засуетился Павловский, - Х.Волвап, это моя фамилия наоборот.

- Меня тоже под псевдонимом, - вошёл Витя Бахис, - я вам принёс сказку про Красную Шапочку.

- Это что, Шарль Перро? - приветливо улыбаясь, спросил всезнающий Саша.

- Перо, не перо, а ты на - почитай, - и Бахис протянул мелко исписанные листки. Саша начал читать.

- Ну, тут ничего не понятно, но стиль есть. Вот тебе альбом, садись и пиши сам аккуратным почерком.

Бахис сел и исписал два листа витиеватыми до непонятности буквами.

Первые читатели, Рома с Ёжиком, вытянули лица:

- Ну, ребята, вы это уже совсем скатились.

- Куда скатились, - не понял я.

- На, почитай.

Я стал читать. Это была эротическая полупорнуха. Красная Шапочка, надев самый привлекательный свой наряд, пошла по лесу. Встретив Волка, она стала его по-всякому соблазнять, пока он не набросился на неё и не стал насиловать. Это было кульминацией всего повествования.

"Здесь было всё: потоки слёз, море крови, последний невинный крик и сладострастные стоны Красной Шапочки, и душераздирающий вопль замершего в экстазе Волка".

Дальше сюжет расплывался и забывался, а художественные средства тускнели.

- Ну и что? Кое-где неплохо написано, - одобрил я.

- Такой трудный почерк никто и читать не будет, - успокоил Саша.

В-общем, подписано это было прозрачным псевдонимом Б.А.Хис.

С Витей Бахисом я впервые встретился ещё в абитуре и до сих пор не перестаю удивляться и восхищаться им. Быстро сделав письменную математику и успев подсказать пару идей соседу, я вышел из зала, ловя спиной завистливые взгляды, и пошёл вприпрыжку восвояси. Однако, обернувшись напоследок, увидел выходящего оттуда же небольшого плотного паренька с лукавой ухмылкой, что навело мимолётную тень на моё настроение. На следующий день я пошёл смотреть оценки и опять встретил этого паренька. «Что получил?» - весело спросил он, как старого знакомого. – «Пятёрку» - «И я пятёрку. Приходи к нам вечером в 507-ю в четвёртое общежитие. Отмечать будем». Я опешил: «Ты чё? Послезавтра же экзамен!» – «Ну, и что? Приходи – будет весело». В моё сознание спортсмена, привыкшего к спортивному режиму, никак не вкладывалось это сообщение, и я не пошёл. Но любопытство было сильно, и вечером я прошёлся под окнами его общежития. Из окна 507-й неслась громкая музыка, шум и крики, на балконе дымили тёмные фигуры, было действительно весело. - «Не обманул!»

Сейчас этот потрясающий жизнелюб стал лысым, но нисколько не изменился. И в 60 лет всё ещё отъезжает с женой по четыре версты, как говаривал Бокаччо, по дороге любви. Мой личный рекорд в этом возрасте – только две.

За этой сказкой для детей я вписал отчёт о "Лекции для мужчин".

"- Что нужно женщине? Чтобы её ласкали, чтобы её любили.

- Что нужно девушке? Чтоб её обнимали, чтобы тискали, - так говорили женщины в купе на всеобщем обсуждении молодого человека, всю дорогу спавшего на верхней полке".

Так начинался этот опус на трёх страницах.

- Это что, на верхней полке - это про тебя? - догадался Рома, и все засмеялись. Что ж, пришлось страдать ради искусства.

Народу и галдежа в комнате было, как при создании "УниТАСС"а. Все рылись в куче картинок и придумывали подписи или наклейки к ним. Всё шло нормально, но одна симпатичная картинка никак не удавалась. На ней мужик в плавках, едва справляясь, с трудом удерживал крокодила стоймя, поставив его на хвост, обхватив руками и прижав спиной к себе. При этом мужик всё заглядывал крокодилу вниз на живот.

- Что бы это значило? - ломал я голову, - А, может, он смотрит ниже?

- Мальчик или девочка?! - закричал я, как Архимед "эврика". Никто не понял.

- Кто родился - мальчик или девочка?

Аркаша Сюсюлетов взял картинку, всмотрелся и схватился за живот, давясь смехом. За ним то же повторили и остальные. Рома, смеясь и глядя на меня, покрутил пальцем у виска.

Мы заполнили все страницы журнала. Это был шедевр. Мы поняли, что над нами витал дух и направлял нас. Мы думали одинаково, смеялись над одним и тем же, ценили одно и то же. Это был дух Прометасса. Вечный дух Прометасса, который летает по свету, находит тёплую жизнерадостную мужскую компанию и вселяется в неё.

Последнюю страницу Рома зарезервировал для себя. Он сел и крупными буквами вывел:

**О, Прометасс!
Твой жалкий глас -
Как глаз на фоне унитаза.
Напрягся ... рраз - закрылся глаз.
Вот твой удел,
О Прометасс!**

Глава 6. ТУШИТЕ СВЕТ!

И нежные девичьи губки шептали:

"Не сдамся! Я-бу-ду-молчать."

(Из песни)

Как-то прошедшей зимой Саша вошёл в комнату с мороза и, не раздеваясь, сказал:

- Так, вступаем в кино-клуб "Сигма". Вы все будете в моей группе. Собрание сегодня в восемь, - видно было, что он волнуется.

Саша, учась в школе, работал киномехаником. На первом курсе он крутил для нас кино на летней площадке перед общежитием. Кино-клуб "Сигма" был элитным, но вот сейчас решил пустить к себе студентов для приобщения к высокому искусству.

После книг кино было вторым Сашиним увлечением. Он души не чаял в киношных трюках. Как-то на первом курсе он привязал вечером в своей комнате к потолку верёвку, подставил под неё стул с книгами, а перед ним поставил стол, чтобы не было видно. Потом выключил свет, залез на книги, обмотал верёвку вокруг шеи, свесил голову на бок и высунул язык. В тёмной комнате на фоне светлого ещё окна это выглядело впечатляюще. Его приятели, предвкушая удовольствие, вышли в коридор заманивать доверчивых студентов. Первая жертва, отворив дверь в комнату и увидав силуэт на фоне окна, завопила истошным голосом, выскочила обратно и побежала по коридору, оря: "Повесился! Повесился!". Сашу вызвали на студсовет для воспитательной беседы.

Брогилевский обладал потрясающей способностью находить забавное в жизни, даже в самых, казалось бы, неподходящих ситуациях. Мне врезалось в память, как он готовил плакаты для защиты дипломной работы. Он нанёс на ватман серии экспериментальных кривых, на каждом рисунке кривые эти ложились самым беспорядочным образом. А потом взял красный фломастер и с улыбкой человека, знающего высшую истину (видимо, сам бог с такой улыбкой сотворял мир), стал всем предлагать провести на каждом рисунке этим фломастером "среднюю" кривую - кто как пожелает. Многие в ужасе отказывались, страшась ответственности. Но Саша был твёрд: он ни одной средней кривой не провёл сам и, мало того, требовал, чтобы один человек проводил только одну кривую. Работа была защищена на отлично.

Если надо, значит, надо. Мы пришли в аудиторию на собрание и сели. Саша встал из-за стола. Я первый раз видел его таким. Он страдал дефектом речи и очень от него страдал. Обычно он начинал фразу невнятно, вынужден был её повторять, при этом, как бы извиняясь, улыбался, что к нему сразу располагало. Сейчас это был другой человек. Все фразы произносились чётким чеканным слогом. Вся его фигура излучала волю и уверенность. Он даже расправил плечи и не казался худым и маленьким. Я смотрел на него замороженным взглядом.

Вот что значит чувствовать человеку себя авторитетом, чувствовать себя на своём месте. Если б сейчас он сказал: "Встать! В затылок по одному - стройся! - я побежал бы строиться первым. Или остался сидеть с открытым ртом.

В-общем, мы прониклись идеей, что кино - это важнейшее из искусств, и гордостью за оказанное нам доверие со стороны учёных. Однако на следующий день Саша пришёл и, презрительно кривя губы, сказал:

- В-общем, так: членских билетов всем не дали, только два на группу. Ну что ж, - и Саша засмеялся, - будем делать билеты сами.

Он вытащил уже припасённый для этого кусок картона в цвет и в тон, вырезал прямоугольник и начал на нём чертить обычной шариковой ручкой, сверяясь с оригиналом.

- Саша, что это? - тихо спросил Ёжик.

- Подожди, скоро увидишь.

Саша взял линейку и стал проводить прямые линии.

- Саша, а печать-то как сделаешь? - спросил догадливый Рома.

- А печать будем рисовать синей ручкой!

- Как, рисовать? - удивился я.

- А так. Издалека нарисованная не отличается от настоящей.

- Откуда ты Саша всё знаешь? - изумился Ёжик.

Саша только довольно хмыкнул. Через пять минут всё было готово.

- Так, на кого выпишем билет? На Рому?

- Давай, Саша, - ответил Рома, - А подпись как?

- Да, вот подпись - это сложнее. Надо потренироваться.

Саша взял лист бумаги и стал исписывать его подписями. Наконец, стали получаться похожие.

- Ну вот, всё готово. Получай. Поздравляю с вступлением в члены кино-клуба. Рома довольный пожал Саше руку.

Саша нарисовал билеты на всех, у кого не получилось нарисовать самому, и мы стали ходить смотреть шедевры мировой кино-культуры, на которые допускались и студенты.

Скоро мы поняли, почему нас допускали: зал был полупустой. Шедевры были достаточно скучны, чтобы не привлекать настоящих ценителей. Мы тоже стали ценителями и на что попало из шедевров уже не ходили.

Кто же их тогда возвёл в шедевры? Есть такое понятие - серьёзные критики. Видимо, народ, который не ходит на шедевры, - это несерьёзные критики. А что уж говорить о тех, кому этих шедевров и не показывают? Они-то высокого искусства уж и совсем не поймут, ещё деньги обратно потребуют.

Мои серьёзные сомнения в честности этих критиков начались ещё в школьные годы с фильма "Великолепная семёрка", который все дружно критиковали, но который настолько потряс меня, что я его смотрел дважды, как "Чапаева".

"Чапаев", конечно, жуткая пародия и насмешка, но дети об этом не знают, им достаётся только благородство героев, которое их и покоряет. В "Великолепной семёрке" пленяет тоже именно благородство, которое объединяет самых разных людей: от юнца-романтика до похоронившего себя заживо старого неудачника. Я смотрел "Семь самураев" Куросавы, по которым сделан этот фильм. "Семёрка" намного лучше.

Сколько хвалебных статей было о "Войне и мире" Бондарчука. Но достаточно один раз увидеть его Наташу Ростову, - это кошмар, - неправдоподобную, недостойную даже анекдотов о ней, которые как раз и пошли после этого фильма, - чтобы понять - что-то в этом киноискусстве не так.

Когда я посмотрел, наконец, "Серенаду солнечной долины" с великолепной Соней Хени, то чуть с ума не сошёл от восторга. А критики лишь сообщали, что это первый трофейный музыкальный фильм. Я млел от "Моей дорогой Клементины", а мне так недвусмысленно намекнули, что этот фильм нравился Сталину. Ну что ж, я стал немного уважать вождя за это.

Среди шедевров попадались и кассовые. Тогда народ валил валом, и купить входные билеты по нашим членским становилось проблемой. На одном из таких сеансов студенты разбили стеклянную дверь - и лавочку для них прикрыли.

Осенью студентов снова приняли, но входные билеты продавали по спискам - только действительным членам, но зато по два на руки, а то и больше.

Как-то раз Саша пришёл и сказал, что будет фильм на французском языке, и что переводчица будет сидеть и переводить с экрана. Это было необычно, и я подумал, что фильм, видимо, этого стоит.

- Дают по два билета, но один знакомый член не пойдёт, могу купить четыре. Кто идёт?

Пойти загорелось всем. Саша принёс билеты, и мы стали ждать сеанса. Пока шло время, о фильме узнали все. Студенты бегали в волнении, как достать билет. Мы довольные отвечали: "А у нас уже есть".

Подошло время сеанса. Мы шли к Институту геологии, где должен быть показ, в густой толпе безбилетных студентов, надеявшихся урвать "лишний билетик". Саша заметно нервничал. Подойдя к институту, он убежал вперёд и затерялся в толпе. Минут через пять он вернулся совсем удручённый.

- В кассе ничего нет, и с рук никто не продаёт, - сказал он тихо, - а мне нужен ещё один билет. Рома, продай свой.

Рома нагло засмеялся в ответ:

- Ты чё, Саша, смотри, какой ажиотаж.

- А ты? - Саша посмотрел на меня.

- Ну, Саша! - с явной неохотой ответил я.

Начали запускать. Саша опять пропал в толпе и, появившись через пару минут, пошёл рядом со мной. Голова его была опущена, и лицо порозовело от смущения.

- Слушай, Мосампилов, - капризной скороговоркой начал он, - ну дай билет. Что тебе стоит?

Я впервые видел Сашу в таком состоянии и сильно удивился:

- Зачем тебе?

- Человека надо провести.

- Какого человека?

- Ну, такого.

Я повернул на него глаза и только тут заметил, что рядом с Сашей в метре от него скромно идёт девушка с нашего курса. Я всё понял. Фильм обещал быть интересным, но девушка - это святое. Я нащупал билет в кармане и с горьким сожалением мысленно стал прощаться и с билетом, и с редким фильмом, и с вечером, который придётся провести в одиночестве. Но Саша смотрел в землю и перемены во мне не видел. Я уже собрался вынуть билет и отдать его, когда он допустил роковую ошибку:

- Ты же всё равно ничего не поймёшь.

Он не знал, что этими словами наступил мне на большую мозоль.

- Нет, Саша, - резко ответил я, и мы разошлись. Девушка подошла к нему и стала утешать.

Хорошо, что мы сидели в разных концах битком набитого зала. Я был обижен на него, как и он на меня, но ещё больше мне было стыдно, что я поддался эмоциям и отказал ему.

Это был лучший фильм в истории кинематографа - "Мистер Кейн". Копия была плохая, а перевод - через пень-колоду. Но фильм хватал за душу, за мужскую душу. Умер миллионер. Умирая, он повторял два слова: "бутончик розы". Что это значит? Какая тайна скрывается за этим поэтическим образом? Молодой журналист решает это выяснить. Он пристаёт ко всем в его доме, и они постепенно рассказывают его жизнь. Из их рассказов получается, что это был жестокий и скрытный человек. Как же так? Тогда он пытается узнать о его молодости, поре любви, и тоже ничего хорошего, возвышенного не находит. Ему рассказывают о его

детстве, как он любил кататься на санках вместе с дочкой гувернантки, но мать запретила ему с ней общаться и разлучила их. Ну, а что же значат слова "бутончик розы", - не унимается журналист, но никто не может ответить. Наконец, ничего не выяснив, он выходит из дома, а во дворе жгут огромный костёр. "Старик был ужасный скряга, - говорит работник, - ничего не выбрасывал, всё хранил на чердаке. Сейчас весь этот хлам сжигаем". Он бросает последний взгляд на дом и уходит. А работник берёт в руки очередную вещь - детские санки - и кидает в огонь. Санки падают в костёр, на их сидении нарисован цветок и вокруг него надпись: "Бутончик розы".

Я был потрясён и долго ходил под впечатлением от фильма.

Но всё-таки надо объяснить, на какую мозоль наступил мне Саша. Начну издалека.

Дорогой читатель! Дальше я пишу, положив руку на яйца. Положи и ты себе руку на святое для тебя место, читая то, что я пишу.

Евреев недолюбливают во всём мире. Но не всех. Добрую половину евреев любят. Их любят женщины во всём мире, их любят друзья, с которыми их случайно свела жизнь. Тех, кого любят, есть за что любить. А тех, кого не любят, - мы с тобой положили руку на святое место, - есть за что не любить. А кое-кого кое-кому и ненавидеть. Самим евреям трудно это понять, потому что они привыкли считать, что "плохой" еврей - это тоже еврей, а кто не еврей - тот "чужой", а значит плохой. Где сейчас твоя рука, читатель?

Мой приятель жалуется: "Представляешь, иду по Брайтону, навстречу - женщина, и так зло мне сквозь зубы:

- Опять еврейская рожа!

Я оборачиваюсь, догоняю её:

- Ты чё? Мы ж не в России!

Так она меня обругала, обматерила, села в машину и ещё оттуда кулаком грозила".

- Да ты чего к ней привязался? - удивляюсь я, - Может, ей только что в еврейском магазине настроение испортили или с мужем поругалась.

- Да, скорее всего. Но всё равно, как-то странно это.

Я рассказал эту историю знакомому украинцу, который родился на Дальнем Востоке и никогда на Украине не жил.

- Господи! - воскликнул он, - да если бы меня хоть какая-нибудь собака обозвала хохлячкой харей, я бы от гордости лопнул! А то живёшь, бля, - ни то, ни сё: жена - чалдонка, дети - русские, а сам кто - никому дела нет.

А началось всё с тупой ошибки, описанной в Библии. В ветхозаветные времена евреи, борясь за высокую нравственность, стали забивать камнями тех своих баб, которые были чересчур охочи до мужиков.

Этот естественный отбор привёл с одной стороны к развитию у женщин ума, а с другой - к многочисленным войнам с соседними народами, у которых женщины, охочие до мужиков, ещё оставались. Правители поощряли войны, имея с них навар в виде тех же баб, и всё было бы хорошо, если бы все еврейские воины с женщинами врагов вели себя, как половые спортсмены, то есть стремились только к победам. Однако в большинстве своём они были физкультурниками, главное для которых - участие. Большой спорт - он не для всех! Многие предпочитали спокойные длительные связи с одной-двумя особами, и даже брак. А это грозило уже моральным разложением армии и народа, потому что связи-то были с женщинами врагов народа, а в долгой совместной жизни жёны постепенно оказываются наверху.

Исправить ошибку было непросто. Женщин объявили грязными в дневное время - народ понял, что это только про еврейских женщин. Кровавые расправы без суда и следствия (вспомните про Тараса Бульбу!) не исправляли мужиков - естественный отбор не закреплял линию импотентов.

Тогда пошли в обход. "Настоящим" евреям запретили кушать пищу, приготовленную неевреями. Это была отличная идея - еду ведь готовили женщины. Затем национальность детей стали считать по матери. Такого рода правил для "настоящих" евреев напридумывали целый Талмуд. Целью было - укрепить старую мысль о богоизбранности еврейского народа и воспитать высокомерное отношение к соседним неэлитным народам, у которых зато были привлекательные женщины.

Успех был налицо: мужики стали бросать своих инородных жён, и бросать их стало у еврейских мужиков чертой национального характера. То есть, и по сей день на чужих женщин их всегда тянет, но они изначально знают, что эти женщины неполноценны и дети от таких жён не считаются евреями, - так зачем же с ними "на всю жизнь"?! Хорошо известно, что в Израиле большую часть проституток составляют брошенные жёны - нееврейки.

Платой за этот "успех" стало презрение к таким "мужикам" со стороны мужчин других народов, которое легло в основу неприязни к "недоброй" половине евреев.

Евреи были первым народом, который пал жертвой своих политических идей. Вторыми были арабы с их джихадом, а третьими – русские, китайские, корейские, кубинские и прочие большевики со своей мировой революцией. Во всём мире к этим народам и группам относятся с подсознательным недоверием. Немцы спасли своё реноме, сумев на деле отказаться от идей фашизма.

Это всё схема, а жизнь, конечно, разнообразнее.

М.Ю.Лермонтов описал случай, когда отец-еврей убил свою единственную дочь за то, что она полюбила нееврея. Природа женщины такова, что она подчиняется голосу жизни, а не голосу разума. Поэтому поступок этого доброго отца по житейским меркам не только жесток, но и глуп. Однако и по сей день еврейки крайне редко выдаются замуж на сторону. Да и сами воспитаны так, что не хотят.

Для мужчин на словах существует такой же запрет, но он не выполняется. Наоборот, поощряются "тренировочные" браки с нееврейскими девушками: "Пусть мальчик поживёт с девочкой, а потом разведётся". Не менее 90% таких браков (или больше) распадаются в первые два года либо сами, либо с помощью родителей "мальчика". "Девочка" за это время обычно становится мамой.

Характерен анекдот, который не любят вставлять в сборники так называемых "еврейских анекдотов".

Сара приходит с базара, видит, что её малолетний сын пристаёт к девушке-служанке, а та от него отбивается: "Ах, Нюрка, дрянь, немедленно отдайся мальчику. Не мучай ребёнка!"

Как к такой половой практике и морали должны относиться отцы и братья этих девушек - которые тоже подчинились голосу жизни? Должны ли они млеть от оказанной им чести со стороны богоизбранных?

Аналогичная ситуация и в экономических отношениях с "низшими" народами. Примеры типичных еврейских обманов можно найти в рассказах Шолом-Алейхема. Пресловутая "черта осёдлости" была введена как следствие борьбы еврейского и русского купечества за московский рынок: чтобы разорить и вытеснить русских купцов, еврейские купцы снижали цены. Привычка украинского и русского народов к крепким напиткам закалялась в еврейских шинках и трактирах. Сами шинкари предпочитали лёгкое красное вино.

(Однако, я был бы несправедлив, не приведя следующий пример. В Биробиджане не так давно появилась кошерная водка! Называется "Еврейские

штучки". На яркой зелёной этикетке под зелёной звездой Давида нарисована весёлая бородатая рожа. По словам продавцов хасиды утверждают, что евреи, которые пьют эту кошерную водку, становятся ещё умнее.)

К сожалению, 10 заповедей Моисея у евреев никогда не распространялись на отношения с другими народами. Богдан Хмельницкий и его последователи поднимали жесточайшие восстания против "поляков и евреев, их любимых управляющих и агентов", причём евреев обвиняли в том, что те "не только лишили христиан средств к существованию, но они занялись ... убийствами, грабежами, ... они насилуют христианок ..." (Лев Поляков, "История антисемитизма", Москва: Лехаим, 1997).

Некорректные экономические и сексуальные отношения с народами, составляющими окружающую среду - это основа неприязни в России также к грузинам и узбекам, торгующим на базарах, на Дальнем Востоке к китайцам, и к "новым русским".

"А почему аборигены съели Кука? - Молчит наука".

В основе всех войн человечества лежат два инстинкта: сохранения жизни и размножения. Каждое общество людей имеет свои запасы пищи и женщин, устанавливает правила пользования ими и охраняет их от порчи и разграбления. В противном случае общество погибает.

Это справедливо для обществ, члены которых связаны естественными узами: семейными, родственными, экономическими, патриотическими.

Хорошо известно, что общества, построенные на спекулятивных идеях: политических, религиозных, националистических, спортивных, - сами себе создают врагов, чтобы оправдать свою необходимость.

Я увидел броское объявление о предстоящем уникальном "суде" - над "антисемитами"- и решил пойти посмотреть. Большая Физическая Аудитория университета была переполнена: люди залезли даже на высокие подоконники, заполнили все проходы и подходы к лекторской сцене. Я пришёл заранее и сидел почти в середине зала, стиснутый с двух сторон.

На сцене за столом сидели академики, представители администрации и общественности. С одной стороны стояли обвиняемые - два запуганных хилых первокурсника (третьего не нашли), а с другой - потерпевшие, года на два постарше, но тоже неуютно себя чувствовавшие.

Обвинитель рассказал о случившемся. Трое ребят из одной комнаты частенько принимали, и по пьянке развлекались, задираясь к жившему по соседству внушительных размеров грузному, флегматичному и абсолютно безобидному Лёве Гольценбергу, а бывало, и к его соседям. Иногда забирали у них ручки (как водится у студентов - не отдавали). Однажды они, вконец охренев, повесили на дверь Лёве бумажку с какой-то угрозой. Лёва струхнул не на шутку и стал искать защиты. За угрозой, понятно, ничего не последовало. Но подвернулся энтузиаст, который решил наказать "антисемитов" с помощью анти-антисемитского процесса.

Странно, но на процессе эта бумажка с угрозой почему-то не фигурировала. Были только рассказы свидетелей, которые так и не прояснили ни тяжести содеянного: бил кто-нибудь кого-нибудь или нет, - ни степени антисемитизма в угрозах: оскорбляли нацию или же только называли евреев "жидами", как в Америке негров - "неграми".

Вообще-то, если б что-нибудь подобное возникло на нашем курсе, разрешалось оно элементарно просто. Достаточно было об этом сказать любому нашему студенту внушительного вида, пусть, тому же Антонцеву. Тот с большим удовольствием снял бы рубаху (чтобы мускулы было видать!), пошёл к этим первокурсникам, поматерил

их как следует, пригрозил, если надо было, - и никаких проблем. Ну, если б совсем тупые первокурсники попались, то собрал бы ещё ребят для дополнительного воспитания. Всё было бы шито-крыто и эффективно.

На нашем курсе ничего подобного и не могло возникнуть. Хотя и из разного, но "вышли мы все из народа". Когда слух о мощном новом университете в Сибири прошёл по стране, сюда кинулись поступать отовсюду те, кто не мог поступить в хороший вуз в Москве. Евреи с Украины верили, что их в Москве в престижных вузах не примут из-за пятой графы. А русские за Уралом знали, что им не светит в столице из-за отсутствия руки. Имеющие партийный блат спокойно летели в Москву и поступали, и никто на их графу не смотрел. Да и сама графа давно уже была исправлена по тому же блату. Остальным даже авось не помогал.

Однако, через пару лет престиж нашего Универа настолько вырос, что к нам полетели и блатные. Жизнь у кормушки, где надо уметь хорошо отпихивать, приучила их делить людей на своих и чужих, партийных и беспартийных, русских и евреев. Вот из этой-то среды и вышли те хилые низкорослые пареньки с бегающими глазками, загнанные сейчас в угол сцены. Заводила был только один из них, остальные - бледные подпевалы.

Выступлений было много и все были против "антисемитов". Их клеймили на полную катушку. Им явно светило исключение из университета. Однако сами потерпевшие никакой кровожадности не проявляли.

И тут произошло самое невероятное. Слово взял академик Александров. Он говорил резко, громко и эмоционально. Он раскритиковал выступавших и пристыдил зал за участие в этом недостойном судилище над несмышлёными ещё молодыми людьми. Он говорил, что у них ещё вся жизнь впереди, а тут их клеймят позором и выгоняют из вуза за вообще-то ребячество и пустяк.

На зал вылили ушат холодной воды. Я обалдел и ничего не понимал: как? еврей выступает за антисемитов? против евреев? Академику никто не смог убедительно возразить, хотя попытки были. Собрание быстро закончилось. Ребятам вкатили выговоры, но не выгнали. Третий ушёл из Универа сам, у него были серьёзные проблемы с успеваемостью.

Я понял Александрова гораздо позже, когда прочитал воспоминания энтузиаста, организовавшего этот "процесс". Спустя десятилетия этот человек так и не подобрел. Он восторгался тем, как они "показали" антисемитам и тем, что Лёва Гольценберг, "как богатырь" сражался с врагами. Я там был: Лёвин голос был еле слышен, а сам он старался скорее улизнуть со сцены. Из уважения к Лёве, который мухи не обидит, врать на него ради идеи не буду.

Я вырос в семье переселенцев с Запада на юг Дальнего Востока, вырванных из привычной среды обитания и старавшихся приспособиться к новой жизни. Вокруг жил такой же случайный интернационал, зарабатывавший на жизнь, чем придётся, и со всеми мы старались жить в добрососедстве.

Работником умственного труда стал случайно. Директору школы, где я учился, когда все уже разошлись на летние каникулы, срочно пришла разрядка послать кого-нибудь на отборочную олимпиаду. Он вспомнил, что я неплохо учусь, и случайно встретив в школе ученика, который знал, где я живу, отправил его ко мне с запиской. Олимпиада начиналась на следующий день. Я неожиданно попал в призёры, и меня взяли в летнюю физматшколу.

И до и после этого я участвовал в ежегодных городских олимпиадах и никогда не знал, какие места там занимал. Потом я познакомился с ребятами, которые были неоднократными победителями этих городских олимпиад, ездили на олимпиады в Москву. Я заинтересовался, чем же они были настолько лучше меня? В задачках они разбирались даже хуже. Один из них сделал себе телескоп, отшифровал своими

руками зеркало (об этом даже была статья в краевой газете), - я на такое нудное занятие не способен. Но зато я собрал себе из линз и трубок неплохую подзорную трубу собственной конструкции. Один писал стихи, был комсомольским лидером и круглым отличником. Я слышал его стихи по радио: в них он сетовал, что в Смольный дворец в Ленинграде пускают только по партийным билетам, и выражал уверенность, что и у него будет партийный билет. Моё заочное восхищение им померкло.

Они были лучше развиты физически, хорошо упитаны и жизнерадостны. Их родители занимали намного более высокое положение в обществе, чем мои, и имели больший доход.

Мне не было причины комплексовать: я тоже был начитан, ну, немного меньше, во многом разбирался, мог при случае и стихи написать, и что-то слепить или нарисовать вполне похоже. Я не чувствовал себя ущербнее или глупее. Если не умел играть на пианино, то неплохо играл в шахматы.

Они были евреями. У нас в классе тоже было много евреев, они были хорошими друзьями, но особых звёзд с неба не хватало.

И всё же, почему на официальных школьных олимпиадах побеждали эти ребята, а на случайно возникшей, где они тоже были, - я? Я побеждал на всех олимпиадах, отборочных к летним физматшколам, на одной даже занял два первых места - по физике и математике. А на обычных ежегодных школьных олимпиадах мне даже не сообщали, насколько я отстал от призёров и почему.

Был у нас в шахматном кружке Миша Левицкий. Он всегда ходил в опрятном костюмчике с галстуком, с умным видом, сдержанными манерами и глубокомысленной речью. Играть с ним было очень легко. Он свято верил в силу теории, а когда книжные ходы кончались, быстро рассыпался, не в состоянии уследить за всеми угрозами. Видимо, в раннем детстве он мало играл в прятки, пятнашки, лапту, футбол, мало стрелял, сражался и боролся, мало ловил мух и бабочек, - тем самым не развил в себе способности к мгновенной реакции. Я легко выигрывал у него все партии. Мы подрастали, но результат оставался тем же.

Я помню последнюю с ним партию. Я разыграл её слишком самоуверенно, зная о конечном результате, и после его сильного выпада понял, что теряю пешку. Это не смертельно, на ничью уйти можно, но было досадно поплатиться за самоуверенность. Я прикинул и решил отдать ещё одну пешку, а пока он её будет забирать, приготовить жертву последнего коня. Если он всё заметит, то шансы на ничью остаются, а если нет - то тут уж ему придётся попотеть. Миша тоже понял, что выигрывает. Лицо его порозовело, и вместо обычной невозмутимости появилась человеческая улыбка. Пока я думал, он ходил и хвастался своей позицией. Я понял, что он попадётся. Так и случилось. После жертвы коня лицо его переменялось. Это было крушение всех надежд. Можно было ещё сопротивляться, но он отступил королём не туда и проиграл без борьбы.

Он мне нравился своей невозмутимостью и опрятностью, и мне совестно было учинять ему такой разгром. Но я играл честно, с полным соблюдением спортивной этики.

Но что было дальше, я не забуду никогда. Миша, окружённый сочувствующими друзьями, отошёл к шкафу и тут, не сдержав эмоций, заплакал навзрыд. Сквозь всхлипывания до меня доносился его голос:

- Я лучше всех учусь, я много книг прочитал и много знаю, я готовился к партии, а этому какому-то, - и он пренебрежительно назвал мою фамилию, - опять проиграл.

Мне было жаль его, но я обиделся. Вообще-то я о себе был высокого мнения. Недругов у меня не было, и я не мог представить, за что обо мне можно думать

плохо. Почему это я какой-то? Я чемпион города, игру эту понимаю лучше, за это меня можно и уважать. Я же его уважаю за то, что он много знает. Или если его папаша известный адвокат и может обеспечить и костюмчиком с галстуком, и хорошими книгами, которых у меня нет, и с учёбой может помочь, то что, я из-за этого становлюсь “какой-то”?

После этой партии Левицкий играть со мной гордо отказывался. Но почему он не мог допустить, что я обычный русский мальчишка из небогатой семьи могу быть в чём-то лучше его – волею судьбы благополучного интеллигента-еврея? Я стал обращать внимание на подобные случаи.

Как-то мы с командой проезжали на поезде по Еврейскому округу Хабаровского края. На станции к нам в купе подсели два разбитных еврейских парня немного уголовного вида и старше нас лет на пять. Они были очень веселы, и, узнав, кто мы такие, стали подкалывать нас, намекая, что они-то уж на голову умнее. Я забавлялся их беспочвенной самоуверенностью, но остальные ребята явно смутились такому напору. Парни стали предлагать сыграть в шахматы единственному среди нас брютету, видимо, считая, что он наиболее сильный и достойный. Тот, совсем смутившись, отнекивался. “Может, со мной сыграете?” – скромно сказал я. Такой тип людей был мне знаком, я их уже вычислил, и результат игры не вызывал сомнений. – “С тобой что ли? Ну, давай, если ты всех сильнее”. До середины партии они ещё пускали шуточки, но потом замолчали. Зато наши всё чаще прыскали в кулак. Вторая партия прошла в полном молчании и тоже быстро закончилась в мою пользу. Над ними никто не смеялся - мы были сильными игроками, каждый мог, пожалуй, выиграть у них матч. Парни отсели от нас на край скамьи и битый час до своей станции не проронили ни слова.

Мне нередко приходилось демонстрировать свои способности перед евреями, и часто первоначально пренебрежительное отношение ко мне сменялось изумлением и повышенным уважением. Как будто я феномен какой-то. Мне это нравилось, но оставалось недоумение, неужели они первоначально считали меня недоумком? Я встречал очень многих русских, которые были умнее и способнее меня.

Однажды Саша Брогилевский принёс какую-то редкую книгу, недавно переизданную. Он был очень доволен своим приобретением и, читая её, наиболее сильные места повторял для нас вслух. Мне это скоро надоело, и я сказал ему, не поднимая головы от конспекта, что будет в этой книге дальше. Он остолбенел:

- Откуда ты знаешь? Эта книга только что вышла, а первое издание было ещё до войны.

- Да вот, знаю. - Мне не хотелось долго объяснять, что книгу я, конечно, не читал, но зато не один раз слушал радиопостановку по этой книге. У нас в городе был драматический театр, а в нём замечательные артисты, которые не только играли в театре, но ещё создавали чудесные радиопостановки для школьников, которые транслировало местное радио. Я очень любил их слушать. Популярно на радио было и художественное чтение, для которого выбирались редкие и очень хорошие книги. Бедность районной библиотеки с лихвой восполнялась слушанием радио.

Сашино самолюбие было задето всерьёз:

- Как! - ехидно засмеялся он. – Ты, Мосампилов, не читаешь никаких книг, а эту книгу читал?

Я немного обиделся: что это он меня за неуча считает? Сейчас не читаю – так раньше читал, почему я не могу знать этой книги? Я решил его уесть до конца и рассказал из книги ещё немного. Саша затих в углу и больше не выступал.

Но не забыл. Однажды он ни с того, ни с сего спросил:

- Слушай, Мосампилов, сколько человек из вашего города поступило с нами вместе в Универ?

- Три на физфак, один на мехмат. Четыре.

- А из наших Черновиц - 14! А расстояние до Новосибирска примерно одинаковое.

- Ну и что?

- Как "ну и что"? Насколько в нашем городе люди умнее!

Ах, вот оно что. Опять взыграло Сашино еврейское высокомерие. Все эти 14 человек, я знал, были евреями, а наши 4 - сплошной интернационал. Мне стало смешно, а потом грустно: о чём думает умный вообще-то человек! Но провокация Саше не удалась. Я, прикинувшись, что ничего не понял, решил даже польстить ему:

- Но вы же ближе к Европе, к культуре.

- Да, вообще то, - не нашёлся чем ответить Саша.

Но мне это не понравилось. Я не чувствовал себя глупее ни одного из знакомых мне евреев, и попытки унижить меня намёками на мою якобы неполноценность раздражали. Тем более, что "Прометасс"-то мы делали вместе.

И вот, когда Саша сказал на подходе к кинозалу своё "ты же всё равно ничего не поймёшь", эта полновесная капля ничем не обоснованного высокомерия переполнила мой шкалик терпения.

Вопрос о том, какой народ какого глупее (имеются ввиду мужчины), часто обсуждается (чаще в анекдотах), точно так же, как чьи женщины красивее. И естественно, существует негласная, но более-менее принятая расстановка по рейтингу. Этот вопрос сродни вопросу о том, кто умнее - мужчины или женщины. Общее мнение, которое вырабатывалось в основном мужчинами, известно. Но если учесть, что ум дан человеку, чтобы лучше приспособливаться к изменениям жизни, то мудрее явно женщины. Их больше, они в целом устроены в жизни лучше и живут дольше. То же, видимо, и с народами. Кого больше и кто меньше конфликтует с соседями, тот более приспособлен к жизни - значит, умнее.

Даже бомж может иметь такой жизненный опыт, какой не снился и академику. Имея этот опыт, он может иногда понять то, о чём академик и не догадывается. Поэтому даже последнего бомжа следует изначально уважать, и академику тоже.

Мы с Брогилевским не вспоминали инцидента с билетом и оставались друзьями, а девушка в своё время стала его женой и опорой в жизни.

Однако, созревало желание делать номер 5.

- Ну что, пора делать журнал? - спросил как-то Саша, доставая пару альбомов для рисования средних размеров. - Я тут зашёл в торговый центр и взял с запасом, они редко бывают.

- А! У меня тоже кое-что есть - из непечатанного, - и я показал ему очередной "шедевр":

“Первый вариант жизни и смерти Гр. Мана.”

На белом унитазе

Гр. Ман лежал в экстазе.

Спустился с неба Томас Манн.

Сказал: "Идём со мной, Гр. Ман".

Потопал вслед за Томом

Талантливый потомок.

Три точки были написаны на клапане, наклеенном в этом месте на лист. Кто отважился приоткрыть клапан, мог увидеть под ним скрытое слово в рифму. А кто не хотел увидеть - тот и не смотрел. Равноправие и свобода слова. Эта идея крайне не понравилась Роме с Ёжиком, и к ним неожиданно присоединился Саша. Но договор дороже денег - каждый пишет своё сам. Правда, Рома спустя некоторое время замазал нехорошее слово под клапаном. Вот - насилие цензуры и дискриминация прав той половины человечества, которая не боится открыть клапан!

Материала не хватало. Мы ввели рубрику "По страницам слипшихся газет", куда я вписал несколько стихотворений и басню Ивана Козьмича Пруткова из недавно изданной великолепной книги "Поэты "Сатирикона"".

Путник и Ворона.

Не вовремя раскрывши рот,
Не оберёшься ты хлопот.
Однажды Путник шёл из дальнего предела
И так по сторонам зевал,
Что, рот раскрывши, - то и дело
Его закрыть позабывал!
На ту беду случись лететь Вороне
(Что тварь сия глупа - давно молва идёт!).
Она к нему направила полёт
И ... прямым попал в рот,
Отголь - в живот,
И там сварилась, как в бульоне.
Читатель-друг! Мораль весьма проста:
Живи, не раскрывая рта.
Дабы не токмо что Ворона не влетела,
Но и тебе чтоб не влетело.

Покончив с пятым номером, мы, не долго думая, принялись за шестой. Ощущалось, что этот номер будет последним. По форме и содержанию он очень походил на предыдущий. Я решил похоронить Ирину Шершеляфамову и сочинил по этому поводу коротенький некролог, завершавшийся некрологическим стихом:

Дорогой читатель-почитатель,
Ты меня не спрашивай о ней.
Появился ты и так некстати:
Не прошло ещё и сорок дней.

Под ножом дежурного хирурга
Умерла она в расцвете сил ...
Слава нашим славным металлургам!
Руку дай. Прости, что попросил!

Находка "читатель-почитатель" спустя полгода появилась на 16-й странице "Литературной газеты". А незадолго до этого один из Сашиных друзей носил наши номера "Прометасса" читать заезжему члену редакции этой 16-й полосы "Литературки".

В страничку для девчат пошло "Страстное" стихотворение опять того же И.К.Пруткова:

Белозуба, толстогуба,
Крутобёдра, -
Ты мне нравишься сугубо,
Дева Ходра!
За тобой блуждаю всюду
Словно тень я.
Ах! зачем в тебе ко блуду
Нет стремленья?!
Воспылай ко мне, о Ходра, -
Вспыхни жаром!
Толстогуба, крутобёдра
Ты недаром!
В ноздри вставлю я браслеты,
Выгну бёдра.
Полюби меня за это,
Дева Ходра!

Для последней страницы я сочинил кроссворд "Знаете ли вы Прометасс?" Среди вопросов кроссворда были: "Удачливый рыбак, поймавший двух акул", "Кого не читал Витя Бахис?", "ЦЦЦ - член Клорида", "Чувство, которое мы испытываем в дни исторических юбилеев и, глядя на голых баб" (подъём). Я соорудил из ответов некое подобие унитаза с верхним бачком, для чего очень подошла длинная фамилия ЦЦЦ, и обвёл так, что получился очень похожий рисунок.

Но всё это было уже не очень весело. Мы знали, что в следующем семестре нам уже не жить вместе: мы становились выпускниками, и нас расселяли в маленькие комнаты по одному или двое (для нашего удобства!) и в разные общежития.

Глава 7. «МЫ СТРАННО ВСТРЕТИЛИСЬ И СТРАННО РАЗОШЛИСЬ».

Говорит старуха деду:
- Я в Америку поеду!
- Ах ты старая п...да,
Туда не ходят поезда!
(Частушка)

Наша компания распалась. Мы, конечно, встречались и собирались, но это было не то.

Мне не повезло: нашу специальность поселили в новое общежитие, где маленькие комнаты были рассчитаны на двоих. Два человека в комнате - наиболее неудачное число: слабому нет защиты в лице третьего. Самый стабильный и комфортный коллектив - это, конечно, трое. Третий в нём - как третейский судья. Только полностью психически совместимые люди, такие как Рома и Ёжик, могут нормально жить вдвоём.

Мой сосед играл на гитаре в ансамбле, который иногда выступал на танцах. Вскоре он стал водить подругу. Умом он понимал, что мне это тяжело, но поделать ничего не мог: мы не были настолько дружны, чтобы подруга стала общей. Они заваливались под утро, уже тёплые, стараясь не шуметь, лезли под одеяло, и совокупляясь, издавали громкое хлюпанье и чавканье, как голодный, набив рот, чавкает от избытка выделяемой слюны. Через полчаса чавканье возобновлялось. К следующему я успевал заснуть.

Подруга была многоопытной и ненасытной. Однажды, когда сосед после дела вышел покурить, она, недо...аная, жалобно позвала меня из своего угла: "Мосампилов, мне холодно. Иди меня погрей". Ага, так и побежал! Не хватало мне скандала. От неё я однажды узнал, что у настоящего мужчины должен быть такой взгляд, чтобы женщину аж в дрожь бросало. И советовала вырабатывать такой взгляд перед зеркалом. У соседа, однако, я никакого такого взгляда не замечал.

Одно время мелькнул слух, что они собираются пожениться, но вскоре она пропала, так же внезапно, как и появилась. Пока они были вместе, от соседа частенько несло тем самым тошнотворно-сладковатым запахом, что отнюдь не увеличивало моей симпатии к нему.

До конца учёбы жизнь была серой. На выпускном вечере я сильно поддал, и запомнил с него лишь один странный эпизод. Ко мне подошёл студент, которого я хорошо знал, но не могу вспомнить кто, и между прочим спросил:

- Говорят, вы у себя журнал издавали?

- Да было дело, - я был уверен, что он-то его читал, потому что был хорошим Сашиним знакомым, и поэтому удивился такому вопросу.

- Что, вся ваша комната?

- Да не только.

- Я видел, у вас и женщины писали? Какая-то неизвестная Света Тихонова.

- Да ты чё? – хохотнул я - Понятно, что это псевдоним.

- Чей?

- Ну, тут прозрачно: Самарской. Тихонов и Самарский – помнишь? А у Бахиса, например, так ещё прозрачней - Б.А.Хис, - расхвастался я. Мне было известно, что он был в хороших отношениях и с Бахисом.

- Вот это да! А у тебя какой был?

У меня было несколько псевдонимов, и я думал, что о них-то все знают. Поэтому такое неведение мне уже показалось сильно подозрительным. Я пожалел, что сказал много, и решил завязывать эту тему:

- Да всякие.

Мы разошлись, и у меня из памяти напрочь вылетело, кто это был. Да и самому эпизоду я не придавал особого значения. Но слова мои, сказанные в подпитии, видимо, пошли гулять, и куда они зашли, я узнал лишь 24 года спустя, когда судьба снова свела меня с Анастасией Самарской.

Как-то мы заговорили о прошлом, и она неожиданно сказала:

- А ты знаешь, ведь нас с Бахисом вызывали?

- Куда? - от догадки мне стало не по себе.

- В КГБ.

Мгновенно вспомнился разговор с тем некто, и от изумления я смог лишь спросить, потеряв способность соображать:

- Что ж вы до сих пор молчали?

- Да вот так.

Из всей нашей компании в КГБ вызывали ещё лишь Брогилевского, и в этом я тоже был косвенно повинен. Но об этом потом.

Однако Анастасия лукавила. Её отец был работником КГБ, и папина дочка исправно таскала ему номера "Прометасса" для прочтения. "Ребячество", - заключил он, и его успехи по службе стали меньше.

Мы разъехались, но иногда встречались. Журналы поделили. Через два года я соорудил журнал номер 7, в котором решил похоронить себя и Марину Шершеляфамову. Но это было уже полное убожество. Смешной была только одна шутка. На вырезанной откуда-то цветной фотографии была изображена демонстрация студентов, которые с серьёзным видом несли как плакат поясной портрет голы женщины. Эту картинку я вставил в некролог о Марине и под ней написал: "Почитатели таланта поэтессы несут её портрет в натуральную величину".

Рома с Ёжиком долго упрашивали меня дать им на время хранящуюся у меня часть "Прометасса". Ёжик собрался линять за границу, и я понимал, что они могут уничтожить журнал. Но Роме всё же удалось обманом меня уговорить, и они торжественно сожгли все 6 номеров в лесу у своего общежития. Варварское решение. Проще было отдать всё мне, это было бы, как могила. Но уезжавшие на ПМЖ всего боялись. Ёжик пропал для всех в Западной Германии и появился в эфире лишь через 25 лет. Рома тоже спустя несколько лет выехал в Израиль. Саша уехал в Якутск и жил там довольно долго.

Однажды мне в руки попала пачка бланков каких-то членских книжечек. А почему бы эти книжечки не использовать для издания антологии "Поэзия ПромеТАССа"? - подумал я. Память у меня ещё была молодая, я вспомнил лучшее из опубликованного, разбил на тематические тома, среди которых были: "Женщины Прометасса", "Чистая лирика", "Гул стихий", "Вас.Обский-Соловей", "Е.Мосампилов", "Эпитафии и эпиграммы", - и получилось отлично. Я думал сделать 9 тематических томов, но вспомнилось только на 6. Остальные решил оставить на потом. Поэтому назвал серию "Избранная лирика ПромеТАССа". Переписал копию и отправил на радостях Саше в Якутск.

КГБ к Саше уже присматривалось: он имел неосторожность не пойти на ноябрьскую демонстрацию трудящихся, а кроме того доставал для себя и неосторожно давал читать другим довоенные книги, которые вообще-то не были запрещены, но считались нежелательными для народа. Моя антология оказалась весьма "кстати". После того, как он дал её почитать нескольким знакомым, кэзэбэшники сделали у него тайный обыск, а потом пригласили на беседу. На ней они упомянули и мои книжечки и потребовали, чтобы Саша их принёс. Саша быстро побежал домой, сжег антологию, а вместо неё за полчаса написал другую - без чего-либо крамольного, и отнёс.

На этом история не кончилась. В один из приездов к нам в Городок Саша зашёл ко мне и попросил мою копию "Поэзии Прометасса" взамен сгоревшей. Я охотно ему дал и сказал, что себе сделаю ещё, потому что у меня есть черновики. Через полгода Саша уехал с семьёй в Америку. А ещё через несколько лет, когда я решил, наконец, восстановить антологию в полном объёме, обнаружилось, что её черновики таинственным образом пропали. Исчезли и другие черновики: репортаж с лекции доктора Центова, заметки и почти все мои стихотворения.

Саша живёт недалеко от Брайтон Бич - райского уголка Бруклина. Когда я, заехав к нему, спросил про мою копию антологии, он признался, что сжёг её, когда уезжал. А на мой рассказ о пропавших черновиках только внутренне ухмыльнулся.

Ёжика провожали все друзья. То есть отмечали его отъезд. Он жил с очаровательной женой и годовалой дочкой в аспирантском общежитии. Про его жену Аркадий Сюсюлетов качал головой и, восхищённо улыбаясь, говорил: "настоящая еврейская женщина!"

К Ёжику приехали его родители и сестра с мужем, чтобы уезжать отсюда всем кланом. Он был тихий и примерный отличник, староста группы и общий любимец. Он оказался первым, кто уезжал за границу насовсем, в ту пору это озадачивало. Но если надо, значит надо. Мало кто всё это понимал, но с расспросами не приставали.

После застолья, как водится, мы пошли провожать друг друга. Был тихий и тёплый летний вечер. Мы шли тёплыми группками по широкой улице Ильича, проезд по которой в те времена был закрыт.

Неожиданно от шедших впереди отстала мама Ёжика и подошла ко мне:

- Ёжик мне говорил о вас. Вы его друг.

- Да, - согласился я.

- Возьмите меня под руку.

Немного смутившись, я попробовал это сделать, как умел.

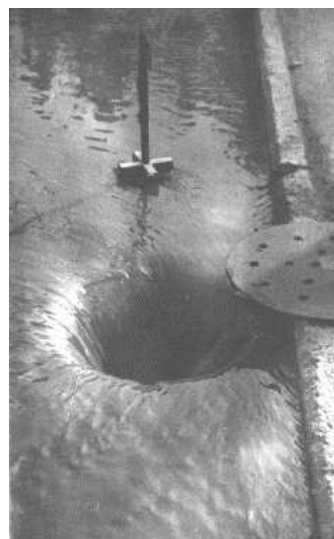
- Нет, не так, а вот так.

Она переложила мою руку. Действительно, так было удобнее.

Я шёл под руку с небольшой сухонькой седеющей уже женщиной с удивительно приятными манерами, пронзающим взглядом и очень острым любопытным носом. Она работала гинекологом. Уже это к ней располагало, потому что человек с такими манерами должен быть хорошим гинекологом. Она говорила быстро, выбрасывая слова, как южане, но со спокойной уверенностью, как будто отродясь знала истину, и просто, как со своим старым приятелем. Я не помню, о каких пустяках и серьёзных вещах мы говорили, потому что в голове было только одно ощущение: рядом идёт удивительно приятная, хоть и старая, женщина, разговаривает со мной, и я никак не могу взять в толк, почему этой чести удостоен. Я был очень этим взволнован, хотя ходить под руку с женщиной не было для меня тогда в диковинку.

Прогулка продолжалась недолго. С большим сожалением я вынужден был отпустить её руку, когда идущие впереди остановились, чтобы попрощаться. Я как будто потерял опору во всей жизни.

Вот, в сущности, и вся история Прометасса, которого никто не просил появляться на свет и заявлять о себе. Который жил с нами в лучшие наши годы, выражал наш дух, наполнял наши жизни и ушёл с нами в иной мир. Мы умерли для всех, но благодаря ему думаем ещё, что живы.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

- Кончай скорей, - сказал он ей,
и они закончили вместе!
(Кто писал - не знаю)

Я похоронен на острове Врангеля. Я так хотел. Вокруг меня летают птицы, и ни одной живой души. Только солнце висит над горизонтом.

Я всегда хотел уехать на остров Врангеля, где никого нет, кто меня не любит. Где никто меня не знает, потому что здесь никого нет. Те, кто меня знает, меня не любят. За что - не знаю. Те, кто меня не знает, улыбаются мне первый и последний раз и говорят своё "hi", которое ничего не значит. Я стараюсь уйти от них быстрее, чтоб они меня не узнали лучше. Второго "hi" не бывает.

Зачем мне быть среди людей, если я труп и вызываю у всех нелюбовь? Трудно сказать. Поэтому я и похоронил себя на острове Врангеля, где никого нет, кроме птиц. Они не кричат "hi", они не подают надежды, и это хорошо, потому что естественно.

Я безнадежно мёртв. Я сижу на своей могиле и смотрю на солнце, которое висит над горизонтом. Оно большое и оранжевое и всегда на своём месте. Под ним лениво плещется океан. Я опять наедине с океаном.

Я осуждён сидеть здесь и смотреть на это солнце. Я могу думать, о чём хочу, вспоминать свою жизнь и чужие жизни. Но я не могу представить, что было бы, если б я что-то сделал не так, как случилось, или что-то кому-то сказал иначе. В этом мне отказано.

Я осуждён вечно смотреть на то самое солнце, которое видел когда-то с палубы теплохода. Но я не могу обернуться, чтобы увидеть за моей спиной освещённую этим прекрасным солнцем юную и далёкую девушку, Надежду. Да это и не надо. Я давно уже знаю, что её там нет. Она встречается только раз. И только тому, кто жив.

Новосибирск - Вашингтон – Нью-Йорк – Новосибирск, Мехико.
Апрель 2000 - сентябрь 2001. Май 2004, август 2005.